

Реликт

Василий Головачев

Контрразведка

«ЭКСМО»

1999

Головачев В. В.

Контрразведка / В. В. Головачев — «Эксмо», 1999 — (Реликт)

ISBN 978-5-699-17545-1

После тысячелетия затишья в Космориуме, где жизнь чудом сохранилась в войне с Фундаментальным Агрессором, начинается новое сражение. Игроки выходят на арену и расчищают поле для будущей Игры. И в их планах нет места тупиковой ветви разума – человечеству. Десять веков назад право людей на жизнь отстаивали файверы, но они ушли. Теперь из их преемников на Земле – один Влад Велич, кладоискатель и ратный мастер, только что вышедший из поры ученичества. Его выбор, его судьба станут судьбой всего межгалактического домена.

ISBN 978-5-699-17545-1

© Головачев В. В., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Часть первая	5
ПРОРЫВ ИНФЕРНАЛЬНОСТИ	5
НАГУАЛЬ	10
ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ	18
МУЖСКИЕ ИГРЫ	28
ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Василий Головачев

КОНТРАЗВЕДКА

Часть первая

ТЕРРОРИСТЫ. СТАВР ПАНКРАТОВ

ПРОРЫВ ИНФЕРНАЛЬНОСТИ

Уходя из Солнечной системы, Конструктор буквально вымел ее, словно дворник – территорию двора. Пояс астероидов при этом, располагавшийся между орбитами Марса и Юпитера, исчез почти полностью, многие спутники внешних планет также пропали или изменили орбиты, зато кометы, порождаемые облаком Оорта за орбитой Плутона, стали появляться в тысячу раз чаще. Зрелище было поистине захватывающим, когда по ночам раз в месяц всходило одно из этих хвостатых чудищ, освещая ночную сторону Земли не слабее полной Луны. Иногда кометы были видны и днем...

Саид очнулся: драйвер-секунда в соседнем коконе-кресле что-то спросил. Заметив отрешенный взгляд первого пилота, повторил вопрос:

– Что с тобой? О чем задумался, детина?

Оба не были интраморфами, как нынче называли людей с паранормальными способностями, и общались в звуковом диапазоне, а не мысленно.

– Что-то мне не по себе, Коля. Да и надоели эти круизы до чертиков! Возим малахольных по Системе...

– Переходи в Даль-разведку, если возьмут, конечно, там поинтереснее будет. Может, откажешься от полета? Я и один справлюсь.

– Одного тебя не выпустит контроль, на борту две сотни пассажиров. Ладно, поехали, еще будет время подумать, менять ли квалификацию. Но в Даль-разведку меня не возьмут – стар. Это тебе еще можно попытаться счастья сдать экзамены, мне уже поздно, малыш. Разве что уйти в инспекцию?

Но Саид ошибался, полагая, что успеет изменить свою судьбу, времени на обдумывание своего положения у него не оставалось.

Туристический лайнер первого класса «Баальбек», биомашина пятого поколения класса «универсал-фараон» с двумя сотнями любителей созерцать красоты Солнечной системы, стартовал с Луны и направился к внешним планетам. Его маршрут пролегал по тем краям, где полсотни лет назад побывал чудовищный «пасынок человечества» – звездный Конструктор, вторгшийся в Систему и радикально изменивший ее космогонический порядок.

Пилоты лайнера неплохо знали историю его появления с того момента, когда в контролируемую землянами область космоса ворвался сверхооборотень – спора Конструктора, просрочившая впоследствии на Марсе. Неизвестно, что послужило толчком, спусковым механизмом развития споры, но она ожила, и родившийся «малыш» начал «поедать» планету, чтобы утолить энергетический голод, за что получил кличку Прожорливый Младенец. Сожрав чуть ли не треть Марса, он покинул Солнечную систему, чтобы через сто с лишним лет объявиться снова в образе «пули» Большого Выстрела, нацеленной на Солнце. Остановить его удалось с большим трудом, ценой людских потерь и необратимых изменений в структуре Системы.

Больше всего пострадали внешние планеты, особенно Нептун, спутники которого рассеялись по Системе, а самый большой – Тритон упал на поверхность планеты; к тому же Кон-

структор содрал с нее и большую часть атмосферы, превратившуюся в глоболл, своеобразный газовый спутник. Но досталось и Урану, и Юпитеру, и Сатурну, окруженному обширной спутниковой семьей. Изменились также орбиты планет, в том числе и внутренних – Марса, Земли, Венеры.

Марс приблизился к Солнцу после «ремонта» его Конструктором, а Земля и Венера чуть отделились, хотя это почти не сказалось на климате этих планет.

Пояс астероидов между орбитами Юпитера и Марса практически исчез, образовав компактное облако, похожее на раздробленную планету величиной с Луну. Зато приблизилось к Солнцу облако Оорта, выстреливающее кометы и изливающее метеоритные дожди – потоки мелких небесных камней и песчинок. Одну из комет как раз должен был облететь лайнер «Баальбек», который потом направлялся к астероидному псевдошару, названному Фаэтон-2, а дальше к Юпитеру, Нептуну и за пределы Системы, по вектору подхода Конструктора, оставившего после себя экзотические следы: струи необычных частиц – монополей, кластерные «мешки» – слипшиеся в «ком» кварки, и многое другое...

Драйвер-прима лайнера Саид Мерген махнул рукой второму пилоту, закуклился в кресле, и «Баальбек» рванулся по «струне» в точку выхода, к «раздробленной» планете, к шару из сгрудившихся каменных глыб бывшего астероидного кольца.

Поболтавшись возле кучи камней диаметром в три тысячи километров, лайнер прыгнул к Юпитеру, чтобы пассажиры могли полюбоваться на два его пылевых серпа и электрические сияния в недрах атмосферы. Затем наступила очередь Сатурна и Урана, а дальше «Баальбек» пошел шпугом, то есть в режиме двойного ускорения, так нагляднее были видны изменения в картинке, подаваемой в зал наблюдений и в каюты пассажиров аппаратурой лайнера. Специальные устройства давали возможность увидеть любые объекты в космосе в объеме и в естественной цветовой гамме.

Но пассажиры недолго любовались приближающимся Нептуном: ровно через две минуты после включения шпуга лайнер на скорости, близкой к световой, напоролся на некое небольшое и абсолютно невидимое – ни людям, ни колоссальной чувствительности аппаратуре – препятствие, которое пробило его по всей двухсотметровой длине от носа до кормы.

Удар был тем более страшен, что от него не спасла корабль ни защита, ни автоматика, ни реакция пилотов, которым и реагировать в принципе было не на что. Первый из них погиб сразу, второй успел предотвратить взрыв генератора движения, отстрелив его, и включить вопль SOS. Перехватить идущий по инерции лайнер спасателям удалось лишь через сутки.

К их удивлению, погибло всего одиннадцать человек. Впечатление было такое, будто людей пронзила одна и та же пуля, выпущенная из крупнокалиберного пулемета по идущему с огромной скоростью кораблю.

Фредерик Фергюссон, кобра погранотряда Примарсианья, одетый в уник¹, изображавший в данный момент комбинезон стармена-пограничника, смотрел с вершины холма на море фиолетово-зеленых мхов до горизонта и размышлял о том, почему эта область Марса, получившая официальное название Плоть Бога, а неофициальное «Коровья Лепешка» и «Плевки Бога», остается незаселенной, несмотря на восстановленную атмосферу Красной планеты.

Соорудил эту местность Конструктор во время своего второго пришествия, решив, очевидно, «починить» обкусанную им во времена младенчества планету. Но, во-первых, масса его «плевка», заполнившего котловину в боку Марса, вдвое превзошла массу «съеденных» пород, а во-вторых, материал «ремонтной нашлапки» весьма сильно отличался от пород планеты, что породило множество интересных физических эффектов.

¹ Уник – универсальный компьютеризованный костюм, способный принимать любую форму по воле владельца в зависимости от программы; заменил стандартный кокос – компенсационный костюм спасателя, как более удобный, комфортно усовершенствованный и обеспечивающий большую безопасность.

Атмосферу Марса восстановили уже спустя десять лет после ухода Конструктора со свитой из Системы, и люди даже начали было обживать этот район, достаточно ровный, без обычных для Марса гигантских каньонов и чудовищных горных изломов. Однако через некоторое время волна арес-переселенцев схлынула, эмигранты начали покидать «Коровью Лепешку», пока население района не сократилось до нескольких сот человек, в основном ученых, продолжавших исследовать Плоть Бога.

От удара прилепленного Конструктором куска Марс приблизился к Солнцу, и климат его несколько изменился, стал теплее, благоприятнее для жизни человека, и все же на «Коровьей Лепешке» почти никто не жил. Пустовали построенные города и поселки, пустовали комфортабельные кемпинги и дома отдыха, лишь кое-где их занимали редкие жители, в основном интраморфы.

Мощный моховой покров не был единственным представителем земной флоры, освоившим просторы Плоты Бога, но оказался единственным коренным видом растительности, завезенным на Марс с Земли еще три сотни лет назад, в начале его освоения. Остальные виды представляли собой либо мутировавшие до неузнаваемости водоросли, как, например, кладофора, достигавшая здесь пяти метров в высоту, либо не менее изуродованные мутацией грибы. Высшие растения здесь почему-то не прижились, за исключением карликовых пиний, устилавших низины между холмами упругим коростообразным покрывалом.

Фергюссон покосился на ажурную полу башню, торчавшую из склона холма. Высота башни достигала семи с лишним метров, в диаметре у подножия она была не менее метра, а вершину венчал полупрозрачный мутный шар, напоминавший фасетчатый глаз насекомого. Некогда прародителем этого растительного чуда-юда был гриб сморчок. В общем, малоприятное, надо признаться, для человека зрелище.

Фергюссон прошелся по пружинящей под ногами массе мха, услышал тонкий писк вызова в наушнике рации. На связь вышел начальник сектора Малиновский, но, будучи обычным человеком – нормалом, как называли людей интраморфы в своей среде, он не владел слоган-речью².

– Фред, в районе Слезы Большого Водопада есть заброшенный кемпинг «Ласточкино гнездо». Там объявилась какая-то подозрительная компания. Проверь – кто, откуда, зачем.

– Принял, – ответил Фергюссон лаконично.

На пояском антиграве он мог добраться до указанного района за час с небольшим, но предпочел воспользоваться патрульным птераном.

Транспортная техника за последние несколько лет изменилась, наступил век органопластики, квазиживых и живых технических систем, зачастую имеющих высокий интеллект. На Земле такси можно было вызвать просто звуковой командой, возбуждающей приемники транспортной сети, или посредством «пискуна», простенькой рации, встраиваемой в любую деталь одежды. Форма и объем воздушной машины подстраивались под количество пассажиров, и машина первой транспортной сети индивидуального пользования – аэр – могла перевозить до десяти человек.

Второй транспортной сетью пользовались специальные службы «Скорой помощи», ГАИ – глобальной аэроинспекции, спасатели, линейщики общественной безопасности; вызвать эти машины – птераны и флайты – можно было уже только будучи специалистом указанных служб.

Третья транспортная сеть включала в себя грузовой транспорт всевозможных классов – нефы, летающие в пределах атмосферы планет, и галионы, имеющие выход в космос.

Но существовали еще сети: четвертая – для пограничников и безопасников, пятая – для работающих в открытом пространстве и шестая – спецмашины для спецслужб, работающие в очень широких диапазонах внешних условий. К седьмой можно было условно отнести транс-

² В наше время слоган – сжатая, ясная и легко воспроизводимая формулировка рекламной идеи.

порт Даль-разведки. Но все эти разноклассовые машины объединялись двумя свойствами: изоморфией, текучестью форм, зависящих лишь от скорости и предлагаемого комфорта, и чрезвычайно малыми габаритами, обусловленными, по сути, лишь размерами перевозимого груза. В свободном состоянии и одноместный аэр-такси, и переносящий до десяти тонн неф представляли собой отливающую жемчужным блеском метровую лодочку.

На Марсе и других планетах Системы сеть вызова транспорта работала в ином режиме, и ждать такси можно было долго, иной раз и более получаса, хотя специальные службы, конечно, пользовались своим транспортом.

Птеран, ждущий хозяина неподалеку, мог выходить в космос, хотя с виду не выглядел грозной и скоростной машиной четвертого класса.

Фергюссон привычно коснулся рукой борта «лодки», и та в течение двух секунд развернулась в стреловидный аппарат, упаковав пилота в кокон-кабине. Через шесть минут Фергюссон был на месте.

Слезой Большого Водопада назвали этот хилый водопадик острые на язык марсианские терраформисты, первыми обследовавшие «Коровью Лепешку» на предмет жизнеустройства. Метровой ширины ручей низвергался с высоты в девять с половиной метров в неглубокую ложбину идеально круглой формы. Но для Плоты Бога, перепад высот которой не превышал сотни метров, и этот водопад был чуть ли не равен по эстетике Ниагарскому.

Кемпинг «Ласточкино гнездо», также названный в честь своего земного крымского тезки с известной долей иронии, располагался над обрывом слева от водопада – красивая ажурная постройка, стилизованная под готику, с тремя башенками и центральным куполом со стрельчатými окнами. Сверху никакого движения в окрестностях водопада и кемпинга Фергюссон не заметил, но по колебаниям пси-фона вычислил, что компания, занимавшая пустующий дом отдыха, состоит из пяти человек. Из них по крайней мере один был паранормом, судя по мощи излучения.

Без особой тревоги пограничник посадил свой патрульный аппарат рядом с галионом, на борту которого красовалась эмблема Всемирной миссии магов и спиритов: светящаяся красная пентаграмма с головой дракона в центре. На всякий случай Фергюссон дал сигнал наверх, дежурному погранзаставы «Деймос»:

– Вышел к объекту, все спокойно, уровень-1.

Ему ответила бесшумная зеленая вспышка, спроецированная перед глазами на стекле шлемных очков.

Оглядываясь, Фергюссон направился через дворик к открытой двери в центральный купол, где, по его расчетам, находились четверо из компании. Пятый почему-то был виден слабо, то пропадая из пси-поля совсем, то появляясь почти невидимым силуэтом за спиной или сбоку. Однако он и визуально не появлялся в поле зрения, будто надел шапку-невидимку.

Фергюссону шел тридцать шестой год, и был он весьма опытным пограничником, но его подвели два фактора: излишняя самонадеянность и отсутствие тревоги в тоне начальника сектора, пославшего его сюда с проверкой. Да и к открытому нападению он готов не был, хотя и знал об отношении людей к интраморфам.

«Компании», о которой говорил Малиновский, не существовало изначально. Те четверо, которых почуял Фергюссон, на самом деле оказались витсами, демонстрирующими для отвлечения внимания пограничника эротическую сцену, и лишь пятый был человеком в маскировочном костюме «хамелеон». Подождав, пока пограничник войдет, он не мешкая атаковал Фергюссона сзади из парализатора на уровне полного пси-подавления воли. Пси-импульс был рассчитан именно на паранорма, обычный человек вообще умер бы тут же, мгновенно, пограничника же лишь оглушило. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы киллер приблизился и набросил на голову Фредерика пси-ловушку, дезорганизирующую работу нервной системы.

Пограничник жил еще несколько минут после снятия зонда, разрушающего мозг, и остановки сердца и даже успел выстрелить в потолок из штатного «универсала», но сообщить о нападении на базу уже не смог.

НАГУАЛЬ

Утро выдалось росистым, солнечным и свежим.

Ставр вдохнул воздух всей грудью, задержал выдох на несколько минут и, ощущая желание закричать во все горло, прыгнул с обрыва в озеро. В темпе переплыв его под водой трижды, что составляло чуть больше ста метров, он полежал на воде, затем вернулся обратно на берег и час занимался ежеутренним тренингом с «динго»-двойником. Еще час медитировал с выходом в поле Сил, то есть общее энергоинформационное поле, просеивая информацию, узнал последние новости и вернулся из странствий на верхние этажи эйдоинформ-океана, почти не утратив хорошего настроения. Информации для размышлений хватало, в том числе и в области его интересов, но в настоящее время считалось, что Ставр Панкратов находится в законном отпуске и происшествия любых уровней касаться его не должны. Хотя на самом деле все было наоборот, и он был вызван сюда: а – для получения задания, б – для встречи с другим агентом класса ультра-си, с которым ему предстояло работать в паре.

Искупавшись в озере еще раз, Ставр позавтракал жареными грибами и земляничным компотом – готовил сам, по старинке, на костре – и завалился в полудреме на лужайке у обреза воды с другой стороны озера, где берег был ниже. Таким образом он проводил время уже трети сутки, успел загореть, расслабиться и наполнить душу и тело тишиной природы, зная, что подобного кайфа не может себе позволить ни один крутой спец «контр-2». Видимо, кто-то на самом верху властных структур «контр-2» решил дать ему расслабиться перед важным делом, справедливо полагая, что уединенный отдых на лоне природы не надоедает и не приедается. Правда, Ставру дали понять, что в случае непоявления агента он обязан заявиться по месту основной работы не позднее двадцать первого июня, хотя он и сам отлично понимал значение слова «ответственность».

С другой стороны, он мог и не соблюдать закона педантичной точности. Во-первых, потому что его всегда могли найти те, кто был в нем заинтересован, а во-вторых, жить свободно и независимо позволяли принципы современного социума: от каждого – минимальная отдача для обеспечения прожиточного уровня, соблюдение максимального невмешательства в дела соседа, и каждому – максимальная свобода для реализации собственных творческих планов и обеспечения своего благосостояния, не в ущерб, разумеется, живущему рядом. Если бы Ставр Панкратов при этом был нормальным среднестатистическим гражданином Федерального союза Земли, соблюдающим все нормы и законы общежития...

Это скрытое густыми лесами местечко под Владимиром, предназначенное для встречи, на берегу небольшого, но глубокого озера, питаемого родниками и ручьями, недалеко от реки Клязьмы, он отыскал не сразу и справедливо считал своим. Туристы пока еще сей район не облюбовали, а лесники если и посещали, то редко.

Место и в самом деле было исключительным по красоте и покою: склон холма обрывался в озеро, будто отсеченный ножом, а к лужайке под обрывом идеальным образом была подогнана опушка елового леса с великолепным малинником и земляничной поляной. Озеро, метров сорока в диаметре, было глубоким и совершенно прозрачным до чистейшего песчаного дна, а окружали его столетние ели и клены, так и просившиеся на полотно художника. Ставр художником не был, но толк в красоте и гармонии понимал.

Что-то зажужжало над лицом. Он с любопытством открыл глаз: вредные насекомые облетали его стороной, а для пчел и ос он интереса не представлял.

Это был здоровенный, чуть ли не с кулак величиной, и с огромным жалом шершень, пушистый, золотисто-коричневый, полосатый, сверкающий драгоценными камнями на крыльях.

– С жалом ты переборщил, – лениво пробормотал Ставр вслух и закрыл глаз. Никакой это был не шершень, а терафим, личный инк по имени Фил, Филиппок, пси-защитник, пси-лекарь и блок информации. Терафимы по сути представляли собой сгустки полей, саморегулирующиеся полевые структуры, а функционально – квазиживые информационные преобразователи, обладающие зачатками интеллекта и в некоторых пределах свободой воли. Они могли внедряться в любой предмет, могли быть совсем невидимыми – для обычных людей, конечно, или создавать себе любой облик. Терафим Ставра любил забавляться и нередко преподносил хозяину сюрпризы, а также вечно бурчал по поводу имени, которое ему дали при рождении. Ну не нравилось оно ему.

«Я тут кое-что откопал занятное, – сообщил он в пси-диапазоне. – Не изволите полюбопытствовать? И вообще – хватит спать! Вон пузо уже отрастил».

«Не мешай, – так же мысленно отмахнулся Ставр. – Никакого пуза я себе отрастить не успел. А ты небось наткнулся на муравейник».

«Что я, муравейников не видел? Это какая-то хреновина с морковиной. В моей памяти сведений о подобных объектах не содержится. Пошли посмотрим, хоть жирок растрясешь».

Ставр подумал немного и сел, потом поднялся. Ему действительно стало интересно, что за открытие сделал Фил. Вернее, Филиппок. Такое именно имя дал ему Панкратов-старший, а Филом он стал, уже служа у Панкратова-младшего, у Ставра.

«Веди, Сусанин».

Идти пришлось метров сто, через малинник и небольшое болотце с крапивой и, как полагается, с комарами. Ставру показалось, что терафим повел его этим путем нарочно, однако проверить догадку не удалось: руку вдруг пронзила мгновенная боль. Ставр инстинктивно «ощетинился» – включил пси-резерв, но ничего необычного не увидел и не ощутил, вообще ничего не увидел, и тем не менее на тыльной стороне ладони красовался длинный порез, словно сделанный острием ножа или бритвы. Ставр закрыл глаза, сосредоточился, *обнял* весь этот район всеми органами чувств, отключая сознание.

Зона максимально ясного сознания в психике человека ограничена анализом всего сто бит информации в секунду, в то время как на бессознательном обрабатывается миллиард бит в секунду, и обычный человек довольствовался этими скромными возможностями, однако Ставр, как и все интраморфы, с рождения владел погружением в подсознание и пользовался им совершенно свободно, как дыханием или зрением. Но, даже включив себя в состояние инсайта, погрузившись в поток Сил, он снова ничего подозрительного вокруг себя не заметил, хотя на мгновение пришло ощущение неловкости, некоего неудобства, связанного, однако, не с положением вещей поблизости или вдали, а скорее с внутренней готовностью к опасности.

«Что я говорил?» – торжествующе-назидательно возопил Фил.

Ставр изучил порез, слизнул кровь, подождал, пока царапина затянется, и лишь потом принялся экспериментировать; все это время он простоял в одной позе, совершенно неподвижно, продолжая изучать окрестности и пытаясь найти объяснение непонятному явлению.

Первое же движение рукой вправо вызвало тот же результат: по пальцам словно чиркнули лезвием бритвы! Ставр снова замер, глядя, как из пореза закапала кровь. Мысленным усилием остановил кровотечение, заживил рану, затем попробовал нащупать невидимое «лезвие».

Пальцы наткнулись на нечто кружевное, игольчатое, похожее на осколок гранаты или сросток кораллов с невероятно острыми краями. Размеры предмета, состоящего, по сути, из одних игл, не превышали десяти сантиметров, а иглы были заточены чуть ли не до молекулярной толщины, потому что ощупать их, не порезавшись при каждом движении, Ставр не смог. «Коралл» не вызвал привычных ощущений тепла или холода, а также не позволил определить материал, из которого был сотворен. Во всяком случае, он не был ни шершавым, ни гладким, ни теплым, ни холодным и вызвал лишь одно ощущение – абсолютной твердости. А главное, он был невидим во всех диапазонах электромагнитных волн, доступных Ставру, и висел в воз-

духе, ни на что не опираясь! Ставр порезался трижды, прежде чем определил размеры игл «коралла» и его положение – метр тридцать пять над почвой. На всякий случай он поискал невидимые образования на площади в сто квадратных метров, затратив больше часа времени, но ничего похожего больше не обнаружил. Фил кружил над головой, давал советы, пугал, когда Ставр подолгу замирал на месте, восклицая: «Я же говорил!» или «Что же это мы открыли?!». А поскольку Ставр догадывался, что это такое, ему пришлось оборвать терафима, так что тот обиделся и замолчал.

Но сам Ставр никак не рассчитывал встретить «невидимый коралл», известный под названием нагуаль³, на Земле. Потому что именно такой же «коралл», разве что больший по размерам, имел место быть на Тартаре, за тысячи световых лет от Солнца! Чтобы встретить его на Земле, в лесу, случайно, надо обладать супервезением, если только такие объекты открываются случайно. Как говорил Заратустра: случай – это самая древняя аристократия мира. Откуда же он возник здесь, под Владимиром, черт побери?!

Поразмышлять о загадке нагуаля ему не удалось – изменилась обстановка: у озера, в лагере, появились гости. Однако Панкратов ждал одного, а прибыла целая компания. К тому же гости своевольничали. Когда Ставр вышел к озеру, палатка его оказалась свернутой и уложенной возле аэра, отогнанного к опушке леса. На поляне хозяйничали пять загорелых парней и две девушки, весь костюм которых состоял из бахромчатых парео. Они ставили палатки, подключали индивидуальных слуг к системе «фастфуд», раскладывали гамаки, воздушные матрасы, комплексы видеоиллюзора, бары, душевые кабины с электро- и гидромассажем и прочую технику отдыха, которую, кстати, Ставр никогда с собой не брал, довольствуясь малым.

– А вот и абориген пожаловал, – заметил его один из парней, единственный бледнокожий из них. Второй, с бритыми висками, с огромным гребнем, сооруженным из волос, выглянул из палатки.

Среди молодежи в моду снова вошли птичьи прически, а также фауно- и флорокрас, то есть в определенных пределах трансформация формы черепа и тела, что в сочетании с голографическими эффектами, порожденными компьютерами уников, давало очень своеобразные результаты. Большая часть учащихся теперь походила на представителей животного царства. Особенно нравились крупные формы – тигры, львы, медведи, муравьеды, носороги, орлы, грифы, аисты и реже – растительные формы. Не брезговали фаунокрасом и молодые люди постарше, разве что их претензии не были столь вызывающими.

Этот парень напоминал грифоподобного монстра из романа Герберта Уэллса «Остров доктора Моро».

Компания была, в общем-то, как компания, хотя наглецов Ставр не любил, однако среди них явно находился интраморф с почти наглухо закрытой пси-сферой, и Панкратову этот факт не понравился. По его мнению, паранорму среди этих попугаев делать было нечего. Как, впрочем, и агенту «погран-2».

– Здравствуйте, – очень вежливо сказал он, окидывая поляну взглядом и пытаясь определить, кто из парней является интраморфом. – Не кажется ли вам, джентльмены, что выкидывать хозяина из его дома по крайней мере неэтично? Я ведь нашел и занял сие место раньше.

Парни засмеялись, перекидываясь фразами:

- Слышь, Хинн, он, оказывается, раньше нашел!
- Ага, а как же...
- Мы тут уже полтора года отдыхаем...
- Специально делали, вымеряли.
- Надо было табличку поставить: запретная зона!

³ Нагуаль – то, для чего у человека нет описания, названия, слов, в отличие от тоналя – всего, чему есть название (Кастанеда К. Учение дона Хуана).

– А шел бы он лесом!

Одна из девушек, высокая блондинка с копной золотистых волос, единственная не носящая никаких птичьих или звериных причесок, грациозно ступая по траве, приблизилась, с холодным любопытством разглядывая Ставра. Сказала с еще более холодной улыбкой:

– Может быть, он не знает, что это персональное владение?

– Какая разница? – повел крутым плечом мускулистый, хорошо сложенный юноша с тигриным узором. – Это наш район, пусть убирается.

По едва заметным признакам Ставр признал в парнях тревожников – профи тревожных служб, то ли пограничников, то ли безопасников, но его это открытие не смутило, хотя и не обрадовало. К тому же на него смотрела прелестная, с отличной фигурой, длинноногая девица, с прозрачно-голубыми, чуть ли не светящимися глазами, и проглядывал в ее взгляде какой-то неадекватный ситуации интерес.

– Вы невежливы, – скучным голосом сказал Ставр. – Если даже имеете право на этот уголок природы, о чем я, естественно, не имел представления.

– Дело в том, что терраформисты специально конструировали местность для нас... – начала вторая девушка, брюнетка, тоже красивая и стройная, но с прической под морскую звезду.

– Иди, иди, приятель, – не дал ей договорить «гриф», махнул рукой Ставру, – здесь в округе еще есть неосвоенные территории, поищи. Мужики, айда купаться. Спорим, я переплыву озеро под водой за один бросок?

– Последуйте совету, молодой человек, – пренебрежительным тоном подсказала первая девица, в глазах которой мелькнула откровенная насмешка. – И не вздумайте качать права, играть мускулами и спорить. Здесь вам ловить нечего, это профессионалы.

– Да и я вроде не лыком шит, – пожал плечами Ставр, сделав движение, от которого по телу пробежала сверху вниз рябь: мышцы станцевали йой⁴.

– Да что вы говорите? – сузила глаза девушка, и Ставру показалось, что его пси-сферу тронули чужие пальцы. – Неужели драться будете?

– Эй, Хинн, абориген возражает, – заорал атлет с тигриным узором.

– Никак нарываешься на неприятности, – отозвался второй атлет, но с прической под гризли.

Обритый до макушки парень оглянулся с недоумением, он уже собирался прыгать с обрыва.

– Ты что, красавец? Не понял, что ли? С тобой по-хорошему, а ты шебуршишься. Собирай свои вещи и гуляй на север. Могу объяснить на пальцах, куда именно.

Ставр молча подошел к своим вещам и развернул палатку на прежнем месте, что вызвало шквал восклицаний среди наблюдавших за ним молодых людей.

– А шевалье-то нахал! – удивленно проговорил самый загорелый из них, с прической под орла и с огромным же носом, поджарый и быстрый. Вероятно, в его жилах текла индейская кровь. – Хинн, можно я его провожу?

– Лучше я его сделаю, – предложил «тигр».

– Предоставьте эту забаву мне, – хищно улыбнулся бритоголовый: не будучи интраморфом, он тем не менее успешно блокировал свою пси-сферу, что Ставра позабавило и одновременно озадачило. Парень носил «защитника» и был явно тренирован по *максимуму*.

– Мальчик играет в героя-одиночку перед девочками, – продолжал неприятно улыбаться гребневолосый, – и жаждет посмертной славы. Насчет славы не знаю, но урок он получит.

– Полегче, Хинн, – проговорила блондинка.

⁴ В древних воинских искусствах (кэмпо) термин означает «занять позицию готовности».

– Не волнуйся, малышка, он не слабак, это заметно, а мне тренинг не помешает. – С этими словами бритоголовый прыгнул к Ставру, пролетев по воздуху метров шесть, и с ходу выполнил комбинацию в стиле малайского канга: удар ногой в подбородок – удар кулаком в лицо – удар ребром ладони по шее – перекал.

Вероятно, никто из обычных людей не смог бы с ним тягаться, парень действительно был подготовлен для боя по самой агрессивной шкале воинских искусств, потому что каждый его удар мог для противника оказаться смертельным. Это еще более озадачило Панкратова, более того, заставило собраться и задуматься о причинах схватки. «Уроки» в таком стиле не преподают, так просто калечат или убивают. Впечатление было такое, будто драка готовилась заранее, хотя выглядело все на первый взгляд вполне естественно.

От атаки Ставр уклонился, как и от второй комбинации, все еще не решаясь действовать в полную силу, прикидывая, как отступить, не теряя лица. В отличие от противника он жил боем и мог прервать его в любую секунду. Но... но уж очень это походило на тест для индивида, тест на достойный выход из конфликтной ситуации.

Бритоголовый усилил натиск, ветер от его молниеносных взмахов коснулся лица, виска, груди. Тогда Ставр сделал шаг навстречу, и парень вдруг повалился, как бы продолжая движение. Шоко-болевые точки у него, как и у всех людей, находились в положенных местах.

– Уходите подобру-поздорову, – тихо сказал Ставр, поворачиваясь к зрителям, оцепенело рассматривающим упавшего приятеля.

– Ты что, Хинн, споткнулся, что ли? – вырвалось у «орла». – Вставай, покажи ему!

Бритоголовый и в самом деле сразу же вскочил, все-таки владел он телом великолепно, ударил из неожиданной позиции и... снова упал. Ставр глянул на него равнодушно, покосился на примолкших парней. Вряд ли кто-нибудь из них видел его движения, а в классическую позу мастера боя он никогда не становился, для эр-мастера, эрма, любая поза органично годилась для защиты и контратаки.

– Собирайте манатки. Начал не я, мой терафим это зафиксировал. Не надо заставлять меня сердиться, вычислить вас будет несложно.

Бронзовотелый «орел» бросился на него в стиле всех «пернатых» знатоков рукопашного боя и тоже сел на землю с удивлением на лице. Остальные зароптали, в нерешительности переглядываясь.

– Что ж вы, бойцы? – с презрительной миной глянула на них девушка с копной русых волос. – Одного испугались?

– Он, наверное, эрм, – хмуро сказал атлет «тигр».

– А вы дилетанты, что ли?

Девица вдруг оказалась рядом со Ставром и нанесла три мгновенных удара, два – пальцами в болевые узлы и один – в грудь, очень приличной мощности «дубель» с передачей импульса. И все это в течение двух десятых секунды! Если бы Ставр стоял и ждал нападения, все закончилось бы весьма печально, но он не ждал, хотя и на серию «котэ-тэ» не ответил, просто отпрыгнул назад с поднятой ладонью.

– Минуту, мисс. Я бы не хотел повредить вам фигуру, а в ближнем бою, будь вы даже привидением, это неизбежно. Прошу оставить это место.

Девушка (она и есть интраморф с заблокированным пси-обменом!) снова оказалась рядом – реакция у нее была экстра-класса, под стать реакции Ставра, когда он не работал на сверхскорости, – и провела великолепный «танец богомола» с итоговым уколом... от которого Панкратов снова просто ушел, продолжая сомневаться в правильности своих действий. Он уже клял себя, что ввязался в эту историю, довел ситуацию до элементарной драки, и все из-за одного-единственного взгляда голубоглазой красотки, явно интересовавшейся его реакцией на предложенный вариант событий. Что-то подсказывало Ставру, что продолжение истории будет

неординарным. Но самое плохое крылось в том, что он нарушил кодекс эрмов, один из пунктов которого гласил: не проявлять своей силы без особой нужды.

– Я же сказал – хватит, вы ничего не добьетесь. Помочь собраться или справитесь сами?

– Оставь его, Дана, – сказал «тигр», краснея под взглядом Ставра. – Он действительно эрм. Непонятно лишь, зачем ему вздумалось демонстрировать свой класс. Пошли, ребята. Женя, помоги Хинну. – Он подал руку «орлу», оглянулся через плечо. – Зря вы это устроили, могли бы сразу сказать, что вы эрм. Мы ведь тоже вычислим вас через полчаса, и у вас будут неприятности.

– Не надо было начинать самим, – угрюмо отозвался Ставр. Понаблюдая за сборами компании, не отвечая на взгляды девушек – любопытствующие у брюнетки и уничтожающе-вызывающие у блондинки с прозрачно-голубыми глазами. Потом пошел купаться, хотя настроение было безнадежно испорчено. В принципе он сорвался, на что не имел права, будучи даже на заслуженном отдыхе. Эрм, то есть ратный мастер, профессионал-воин, не должен показывать свое превосходство нигде и никогда, кроме, конечно, тех случаев, когда это необходимо, да и то в рамках устава. Но этот случай в разряд разрешенных не входил. И все же: какого черта надо было Хинну – или как там его? – начинать «урок»? Захотелось самому покрасоваться перед дамами? Или то был особый расчет? Конечно, спору нет, обе – красотки что надо, особенно та, с аквамариновыми глазами. Но драться всерьез...

Ставр вспомнил взгляд девушки, потом ее профессионально исполненные комбинации рукопашного боя. Да, такая спуска не даст никому! Кто она? Как оказалась в компании пограничников? Или тоже работает в службе? Дана... хорошее имя... если только не сокращение.

«Она интраморф, – сказал в пси-интервале терафим, все время круживший неподалеку и переживавший за хозяина. – По-моему, ты ей очень не понравился».

«Она мне тоже», – парировал Ставр, хотя в глубине души был уверен в обратном.

Посидев с очками иллюзора на глазах полчаса, Ставр понял, что пора возвращаться домой. Ждать встречи как ни в чем не бывало после случившегося инцидента мог бы только обросший мхом валун. «Явка», считай, провалена, агент из «погран-2» не придет, это ясно. Надо звонить шефу, докладывать о происшествии, за которое он, надо полагать, по головке не погладит, и каяться, бия себя в грудь коленом. Но не мешало бы прежде разобраться в происшедшем самому, причем начиная с находки нагуаля в лесу и заканчивая кавардаком у озера. Это было в принципе самым странным открытием сегодняшнего дня.

Тихий отчетливый хруст раздался над головой, словно отломилась ледяная сосулька... и упала на голову! Перед глазами вспыхнули звезды, сложились в пентаграмму, запахло сеном, появилось ощущение легкого подзатыльника, нанесенного твердой, но дружески нежной рукой. Так воспринимался пси-вызов деда.

Ставр открыл канал пси-связи. Перед глазами сформировался образ деда, Ратибора Берестова, в прошлом руководителя одного из отделов СЭКОНа, ныне главы стратегического сектора отдела безопасности и одновременно проконсула синклита старейшин, консультативного органа Всемирного Вече⁵. По глубокому убеждению Ставра, дед, будучи интраморфом – тогда их называли интрасенсами, как родился на вид тридцатилетним – по человеческим меркам, – так и не менялся на протяжении всей жизни, хотя шел ему уже семьдесят седьмой год.

«Что случилось? – проворчал Ратибор, глядя на внука с прищуром. – Когда мне сообщили, что ты на Земле, я не поверил. Что за отпуск ты себе придумал?»

Вся фраза прозвучала в пси-диапазоне и уложилась в один эйдоимпульс, или слоган. Речевой контакт малоинформативен и не соответствует потребностям интраморфов, поэтому со временем они выработали свой телепатический (пси) язык, каждое «слово» которого

⁵ Всевече – реорганизованный Высший координационный совет Земли, правительство Солнечной системы.

представляло собой фантом-образ с огромным эйдетическим – чувственно-информационным наполнением.

«Я решил сменить род деятельности, – почти честно ответил Ставр. – Меня зовут в сектор пограничных проблем отдела безопасности».

«Официально? Я что-то об этом в первый раз слышу».

«Вполне официально. – Ставр насторожился: дед не должен был знать о назначении, но, по всей видимости, знал. – Одобряешь?»

«Главное, чтобы выбор был нравственно обоснован и удовлетворял твоим потребностям. СПП ОБ – организация серьезная и потребует известной перестройки ритма жизни».

«Я готов».

«Тогда с Богом! Что у тебя произошло еще?»

Ставр мгновение раздумывал, сообщать ли деду о происшествии, но потом все же решил сказать правду.

«Я подрался. Хотя виноватым себя признаю только наполовину. Кроме того, мы с Филом кое-что обнаружили любопытное в лесу, кое-что очень необычное».

«Новый гриб? Двухголового ежа, что ли? Противотанковую мину времен Второй мировой войны?»

«Я не шучу, дед. Оно не фиксируется даже на уровне Сил, но вполне реально ранит тело. – Ставр мысленно показал Берестову свои ощущения во время эксперимента с невидимым «кораллом». – Я думаю, что этот предмет – родной брат нагуаля на Тартаре. Вернусь, поищу по информбанкам совпадения характеристик».

«Это действительно интересно. Я с твоего разрешения записал. Проверю по своим каналам. Пока ничего никому об открытии не говори, ни матери, ни даже будущему шефу. А вот драться, эрм, нехорошо! Не стыдно?»

«Стыдно», – искренне раскаялся Ставр.

«Надеюсь, обидчики не пострадали? Кто они?»

«Крутые парни из погранслужбы. – Ставр подумал и добавил: – С ними была девушка-интраморф с глухим блоком. А почему никому нельзя говорить о нагуале?»

«Это отдельный разговор. Если не передумаешь с переходом в СПП, первым твоим заданием будет работа с нагуалями. Будь здоров».

Контакт прервался. Но за ним последовали еще два: звонили мать и бабушка Анастасия. Обе чувствовали сына и внука везде и всегда, даже если находились далеко от Земли.

Через минуту после этого Ставр свернул палатку и нырнул в утробу аэра, вознесшего пассажира на километровую высоту своей линии. Полюбовавшись золотыми и платиновыми куполами храмов Веры старинного Владимира, Панкратов включил джамп– режим. Домой – а жил он в Рославле – аэр доставил его за десять минут. И все эти десять минут Ставра мучил вопрос: откуда дед узнал о переходе в СПП, а тем более о теме его будущей работы?..

Дом Ставра представлял собой двухэтажный коттедж и стоял на окраине старинного города с миллионным населением. Рославль в эту эпоху превратился в экополис, город сбалансированного развития, в архитектуре которого сочетались славянские и северные мотивы, а также разумно чередовались районы общественно-компактной и индивидуальной застройки.

Коттедж Панкратова располагался в районе Старгорода с индивид-компоновкой и был выстроен финской фирмой в стиле «березовый ларец». На первом этаже кухня, столовая, библиотека, комплекс видеоигр «Великий комбинатор», тренировочный зал, на втором – спальня, гостиная, кокон операционного инка. Обслуживался коттедж «домовым» по имени Терентий.

На пороге Ставр остановился, учуяв слабый *запах* чужого присутствия. Обошел все комнаты. Следов никаких, конечно, не обнаружил, но эйдосфера дома была потревожена, кто-то побывал в нем недавно в отсутствие хозяина.

«Никак его сиятельство вернулись, – встретил хозяина Терентий, который всегда разговаривал со Ставром с интонациями мажордома. – Что-то вы рано из отпуска-то. Аль случилось что?»

– Случилось, – вслух ответил Ставр, проходя в спальню и приносиваясь. – Никто не заходил?

«Никто. Зато звонят чуть ли не каждый час».

Ставр прошелся по спальне, «ощупывая» ее всей сферой чувств. Но тот, кто тайно посетил дом, оставил только едва ощутимый – на тонком полевом уровне – фон чужеродности.

«Кто звонил?»

«Три девицы, пара эмверов, какой-то крутой индивер – не представился, и некто по имени Степан. Но лишь один из них оставил послание, а именно Степан. Вот оно: пусть Таврик позвонит, когда вернется».

В пси-голосе Терентия присутствовала какая-то неуверенность, да и речь звучала замедленно.

Сердце Ставра екнуло. Его непрощенный гость явно копался в памяти домового, а потом стер следы операции. Интересно, а в память оперативного инка он не заглядывал?

«Знаток, – окликнул инка Ставр, взбегая на второй этаж, – с тобой никто из посторонних не работал?»

«Сведений в памяти не сохранилось, – ответил Знаток, – но, судя по косвенным данным защитного контура, кто-то пытался взломать «сейф».

«Сейфом» инк называл стратегический объем памяти, доступ к которому был разрешен только владельцу компьютера.

«Ну и?..»

«Последний защитный слой, похоже, им пройти не удалось».

«Похоже или не удалось?»

«Я не уверен, информации почти нет, только регистрационные шумы. Проверь сам».

Ставр быстро вошел в память Знатка, опять же никаких следов чужого хозяйничанья не обнаружил, но сам факт копания в компе говорил о многом. Плюс утренняя находка нагуаля. Плюс неспровоцированная драка.

Это цепочка, сказал сам себе Ставр, цепочка одной из вероятностных вариаций закона причинности. Но кому понадобилось сосредоточивать внимание на моей вполне скромной персоне?

ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ

Об этом бункере, запрятанном в толще горных пород хребта Алинг-Гангри, в сердце Тибета, недалеко от озера Нганларинг-Цо, знали всего несколько человек. Создан он был сто лет назад на дне километровой шахты, в которой автоматы добывали платину, для одной из лабораторий интрасенсов. Затем по каким-то причинам надобность в лаборатории отпала и шахту взорвали, завалив ствол миллионами тонн породы. Однако бункер уцелел, а с ним уцелела и кабина метро, о чем знал всего один человек – Аристарх Железовский, бывший комиссар безопасности, бывший глава СЭКОНа, а ныне проконсул синклита старейшин Все-вече. Через него о бункере, защищенном, как оказалось впоследствии, слоями поляризованного вакуума, то есть недоступном никакой регистрирующей аппаратуре и даже интраморфам, владеющим Силой, узнали и те четверо, которых Железовский вызвал на совещание.

Все четверо прибыли сюда одним способом, по каналу метро, код которого не поддавался дешифровке, но из разных уголков Земли с соблюдением всех мер охраны тайны: Ярополк Баренц, бывший председатель Совета безопасности Земли, а теперь воевода синклита старейшин, – из метро Всевече; Велизар – нынешний архонт Всемирного Вече – из своего кабинета; Пауль Герцог, комиссар-прима службы безопасности, – из дома, где имел кабину личного метро как высокоответственный руководитель; Ратибор Берестов, бывший кобра ОБ, линейный руководитель ОБ, начальник сектора СЭКОНа, затем глава стратегического сектора ОБ, – также из своего кабинета.

Из собравшихся пятерых интраморфов лишь Герцог был молод, ему пошел всего тридцать первый год, остальным перевалило за семьдесят пять, как Берестову, за девяносто – Баренцу, Железовский же и вовсе преодолел стосорокалетний рубеж, а о возрасте Велизара ходили легенды, и все же выглядели эти патриархи не по возрасту молодыми – с точки зрения обычных людей.

Герцог заявился последним, его уже ждали в «гостиной» бункера, где стояли кресла, столик с обязательными фруктами и соками и пси-вириал инка, обеспечивающего связь и защиту.

«Прошу прощения, милостивые государи, непредвиденные обстоятельства. Вынужден был сменить интерфейс служебного инка, в моем оперативном кто-то копался, хотя и очень умело. Защита выдержала, но я решил перестраховаться».

Разговор шел в пси-интервале и слоганами, в прямой речи никто не нуждался, поэтому длился он недолго, считанные минуты. Адекватная же передача смысла этого разговора потребовала бы гораздо больше времени.

«Итак, хомозавры, начнем, – сказал Железовский. – Общая оценка положения не требуется, я думаю».

«Общая оценка – все плохо, – ответил глава Всевече, похожий на былинного богатыря. Поговаривали, что в молодости Велизар был великолепным спортсменом и даже якобы чемпионом Игр доброй воли по десятиборью, но когда это случилось – никто достоверно не знал. – Человечество сегодня – неуправляемая, неорганизованная стихия, рожденная миллиардами людских желаний. Светлых эгрегоров⁶ все меньше, темных все больше. И все больше криков с высоких трибун: интраморфы, убирайтесь вон! Конечно, мы можем убраться с Земли и вообще из Системы, но это не есть мудрое решение проблемы. Вот и вся оценка. Самое плохое, что кампанию против паранормов, то есть против всех нас, поддерживают невыясненные нами силы. Конфликты между нормалами и паранормаами достигли уровня Вече. Три дня назад на Мадагаскаре убит сотрудник СЭКОНа интраморф Сабдил, вчера на Марсе убит инспектор погран-

⁶ Эгрегор – своеобразное энергоинформационное пространство, которое образуется за счет мысленной связи тождественных менталитетов людей, замыкающихся на определенный образ.

зоны Фергюссон. Заметьте, убитые не просто интраморфы, но профессионалы, что говорит о намеренном отборе и отменной подготовленности киллеров. Не так ли, Пауль? А не далее как сегодня утром секретарь эргономического департамента Вече Леонид Жученок нанес оскорбление депутату хозяйственной Думы Бальдеру, интраморфу, естественно. Комиссия защиты прав человека вынуждена заниматься подобными делами каждый день. Но уже и сейчас ясно: за спиной Жученка стоит националистический эгрегор южных славян, давно, лет четыреста занимающий деструктивную позицию».

«За спиной Жученка не только темный эгрегор, – сказал Герцог. – Среди его друзей замечены странные личности, идентифицировать которые не удалось. Если бы мы не знали, что К-мигранты ушли с Конструктором пятьдесят лет назад, можно было бы указать на них, особенно в делах с убитыми. Кроме того, есть подозрение, что они – если это они, конечно, – проникли и в безопасность, в некоторые из узловых секторов».

«В какие именно?» – поинтересовался Баренц.

Служба общественной безопасности Земли делилась на секторы: стратегических исследований, оперативно-тактический, связи, информационного обеспечения, разведсистем, кризисных ситуаций, контрразведки, следственный, криминального розыска, планирования и прогноза, эфанализа, пограничных проблем, – но главным безусловно были стратегический и информобеспечения.

«Вероятно, стратегический, контрразведки и связи».

«Разве ты в своем секторе не контролируешь ситуацию? – повернулся к Ратибору Баренц. – Что у тебя там творится?»

«Контролирую, – спокойно ответил Берестов. – Появление агента в моем секторе неизбежно, но лучше иметь одного и контролировать его шаги, чем искать нового после ликвидации первого».

«Именно поэтому я и настоял на столь беспрецедентных мерах секретности, – буркнул Железовский. – В управлении встречаться стало опасно. Уважаемые патриархи, я сделал анализ нарастания напряженности в социуме и пришел к выводу, что мы имеем дело с проявлением новых сил, нам доселе неизвестных. Я бы назвал это вторжением, вернее, *просачиванием* инфернальности или искусственно создаваемого энтропийного процесса. Как в области чисто физических преобразований, с чего все это и началось, так и в области социальных отношений. Об этом говорят и последние события в Системе: нападения на интраморфов, кампания травли паранормов, разгул терроризма. Все вы уже, наверное, знаете, что катастрофа лайнера «Баальбек» произошла по причине того, что он на скорости в «четыре нуля» наткнулся на двухдециметровый нагуаль. Таких образований найдено уже шесть, на Тартаре, возле Чужой, в пространстве и две в Системе. Размер самого большого – около километра, самого маленького – два дециметра».

«Теперь уже один дециметр, – сказал Ратибор Берестов. – Мой внук сегодня утром обнаружил нагуаль на Земле, отдыхая в лесу под Владимиром. У меня сложилось впечатление, что ему подсказали, где его искать».

Общее оживление присутствующих выразилось «сиреновой» вспышкой пси-фона и разрядилось ворчливо-угрюмым замечанием Железовского:

«На ловца и зверь бежит. Я как раз хотел предложить Ставра Панкратова в качестве опера «свободной охоты» по нашей общей проблеме, которую можно зашифровать словом «Нагуаль».

«Но справится ли младший Панкратов? Он, конечно, неплохой ученый, насколько я знаю, и даже эр-мастер, но ярко выраженный индивер».

Герцог хотел что-то сказать, но передумал. Железовский посмотрел на него с пониманием, он *знал*, кто указал Ставру местонахождение нагуаля и почему это сделал.

«Я тоже в свое время был индивидуалистом до мозга костей. Это со временем проходит», – проворчал Железовский.

«Что он должен будет делать?»

«Кому-то выгодно сталкивать лбами нормалов и паранормов, не говоря уже о заказных убийствах. Так вот, главная цель Панкратова – найти этого «организатора»! Кстати, Ставра пригласили работать в СПП ОБ, где у него появится гораздо больше возможностей».

«Кто его пригласил?» – поинтересовался нахохлившийся Баренц.

«Лично шеф СПП Мигель да Сильва, но по рекомендации его деда Ратибора Берестова».

«Что же ты, старый хрыч, не делишься идеями?» – буркнул Баренц недовольно.

«Не вижу ничего странного, – пожал плечами Велизар. – Дед позаботился о карьере внука, только и всего».

Ратибор серьезно кивнул, в то время как остальные обменялись беглыми улыбками.

«Ну хорошо, пусть начнет, но ему понадобится напарник плюс оперативная подстраховка. Есть какие-нибудь предложения?»

«Предлагаю ему в пару мою внучку Видану, – сказал Железовский, вызывая общее оживление. – Она работает в наружном секторе погранслужбы у Левашова, очень способный эфналитик, пошла по стопам бабки, но спектр ее возможностей шире. Чего ржете, черт побери?!»

«А ты будто не понимаешь, – отсмеявшись, сказал Баренц. – По пословице: чем наши хуже ваших? Хороши деды, нечего сказать! Жаль, что у меня нет внуков, а то и я бы своего пристроил».

«Это оттого, что ты не любишь детей».

«Достаточно, проконсулы, – вмешался Велизар. – Все мы любим своих детей и внуков, поэтому я горжусь выбором Ратибора и Аристарха. Они знают, что такое контрразведка и чем придется рисковать их внукам. Поэтому ребятам потребуется поддержка на А-уровне».

«Я буду подстраховывать, – сказал Берестов. – Все же он мне как-никак внук».

«Тебе сделать это будет этически трудно, – вздохнул Баренц. – Как ты объяснишь свои появления в моменты тревог? Он все поймет. Роль основного исполнителя арьергарда я предлагаю Аристарху, тем более что в паре с Панкратовым будет работать его внучка, а в обойме прикрытия придется поучаствовать всем по очереди, пока не найдем достаточно много молодых исполнителей для эшелонированной поддержки».

«Но станет ли он работать в паре?»

«Попробую уговорить. Они хорошо дополняют друг друга!»

«И все же боюсь, что он откажется, – хмыкнул Ратибор. – Именно с твоей внучкой, Аристарх, он имел конфликт сегодня утром, когда группа ее друзей попыталась выдворить Ставра с места его отдыха в лесу под Владимиром, где он как раз перед этим обнаружил нагуаль. И я не уверен, что это совпадение».

Общий пси-фон собравшихся «окрасился» в фиолетовый «цвет», что означало озадаченное молчание.

Велизар вдруг поднял руку, призывая всех не просто к молчанию, а к пси-блокаде. Все замерли. Потом Железовский, сидевший совершенно неподвижно, шевельнул твердыми, как камень, могучими мышцами.

«Ты что, старина? Над нами километр горных пород!»

«Показалось, что кто-то пытается нас здесь разглядеть».

«Бункер окружен «абсолютным зеркалом», то есть слоем поляризованного вакуума. Ни нас невозможно услышать, ни нам никого. Отсюда проблематично выбраться даже в потоке Сил. Но мы отвлеклись. Ставр Панкратов нам необходим еще и потому, что среди нас, к сожалению, мало высокопрофессиональных ученых, а нам очень нужен анализ *cansa prima*⁷ появле-

⁷ Первопричина (лат.).

ния нагуалей и опасности, которую он влечет за собой. По сути, их практическая невидимость и неуязвимость наводят на мысль о проявлениях К-физики. Уж не Конструктор ли дает о себе знать?»

«Конструктор ушел окончательно и бесповоротно, в окрестностях Солнечной системы ему делать нечего. Да и его пришествие было бы замечено сразу же и в больших масштабах. Вспомни Большой Выстрел. Другое дело, что нагуали все-таки могут быть следами его бывшего посещения нашего метagalacticкого домена».

«Нагуаль обнаружен и у беты Зайца, а Конструктор там не проходил».

«Конструктор не посещал и Тартар, и Чужую, а нагуали там тем не менее объявились».

«Что ж, выбор нами обоснован: команде нужен ученый-паранорм, чтобы определить, так это или нет. Особенно если мы соприкоснулись с явлениями чужой физики, которую можно назвать Икс-физикой или даже БВ-физикой, если под БВ подразумевать Большую Вселенную».

«А почему бы не привлечь другого человека, Тота Мудрого? – сказал Велизар. – Впрочем, он-то уж точно не согласится работать по заданной теме. Насколько мне известно, его интересы лежат в иных плоскостях, не в планах постижения физических основ мироздания. Но если нагуали, как говорил Аристарх, есть просачивание инфернальности, то есть Сил, неизвестных людям, ваш кандидат в оперы не справится с расследованием».

«Он эрм».

«Да пусть будет хоть тысячу раз эрм! Ему придется столкнуться с принципиальной стохастичностью⁸ явлений, что выводит проблему за пределы наших возможностей».

«И все же только у эрма есть шанс довести дело до конца. Ставр не только профессионал воинских искусств, он ратный профессионал, то есть он живет иначе, чем мы, владея искусством выживания с момента рождения. Должен справиться, хотя ему, конечно, придется туго. Как, впрочем, и всем здесь присутствующим. *Experto credit*⁹. Мы должны помочь ему, быть все время сзади, не выпускать из поля зрения».

«А не посоветоваться ли нам с кем-нибудь поопытней нас?»

«С кем? – Велизар усмехнулся. – С чужанами, орилоунами?»

«С Сеятелями или серыми призраками, например. Они ведь помогали нам в свое время».

«Серые призраки ушли даже с Тартара, где ты собираешься их искать и каким образом? Крикнешь на всю метавселенную: ау, Сеятели, отзовитесь?»

«На наши призывы они скорее всего не откликнутся, а вот на просьбу одного общего знакомого могут отреагировать положительно. Да и сам он – фигура заметная».

«Ты имеешь в виду Габриэля Грехова? – догадался Берестов. – Хорошая идея, старик!»

«Вот и пусть наш опер попробует отыскать Грехова, а там покумекаем, как выйти на Сеятелей».

Четыре ладони легли одна на другую, породив розовую молнию полевого разряда.

Чужанин шевельнулся, превращаясь в грубо обработанную каменную скульптуру борца сумо, протянул чудовищную, с гипертрофированно развитыми мышцами руку, раскрыл ладонь, и Ставр увидел красивый черный перстень с прозрачно-зеленым камнем, внутри которого разгоралась и гасла яркая изумрудная искра.

– Велено передать, – прогрохотал каменный псевдочеловек. – Если удержишь.

– Кем велено? – поинтересовался Ставр, принимая подарок, и... едва не выронил его.

Перстень оказался не просто тяжелым, но раскаленным и заряженным электричеством.

Чужанин засмеялся, кривя слепое каменно-металлическое лицо.

– Ну что, не хочешь ли бросить?

⁸ Принципиальная стохастичность – непредсказуемость внешних воздействий.

⁹ Верьте опытному (лат.).

Стиснув зубы, Ставр надел перстень на указательный палец. Камень снова полыхнул чистым изумрудным светом, и словно в ответ над горой, где встретились человек и роид, прогремел гром, могучая сила мягко качнула пространство, мигнули звезды над головой.

Чужанин снова засмеялся, превратился в кучу камней, которая собралась в нечто, отдаленно напоминающее древнюю ракету, и исчез в фиолетово-черном небе.

Перстень сдавил Ставру палец до боли, он вскрикнул и проснулся. Полежал немного, разглядывая фиолетово-синее струение потолка спальни, поднес к глазам руку: никакого перстня на пальце, естественно, не оказалось. Станный сон. Очень конкретный, словно клип виртуальной реальности. Насколько помнится, в морфейере таких программ нет.

«Терентий, – мысленно позвал Ставр домового. – Что за сон ты мне подсунул только что?»

«Ничего я не подсовывал, – обиделся «домовой». – Что было заказано, то и крутил».

«Высвети программу».

Домашний инк послушно выдал программу снов морфейера. Ставр с изумлением и недоверием увидел странный разрыв в цепочке запланированных сновидений. Какой-то из игровых эпизодов, разработанных, кстати, самим хозяином, был стерт, а на его месте красовался багровый значок в форме китайского иероглифа «кун». Кто же это влез в программу? И что он хотел сказать своей видеозарисовкой с чужанином? Что за перстень тот передал?

«Фил, – окликнул Ставр. – Ты из дома никуда не отлучался?»

«С какой стати?» – резонно отозвался терафим. На сей раз он внедрился в старинную саблю, висевшую на стене, которая принадлежала какому-то прадеду Панкратовых в двадцатом колене, лихому рубака и наезднику.

Интересно, подумал Ставр мимолетно, как отреагировал бы гость из нормалов, обычных людей, заговори с ним сабля. Или другой предмет обихода.

«Никто не приходил в мое отсутствие? С морфейером не баловался?»

«Я не видел».

Ставр хмыкнул, покачал головой. В принципе морфейер можно перепрограммировать и на расстоянии, не появляясь в доме, но это уже уровень паранорма. А зачем паранорму, кто бы он ни был, вписывать в программу почти ничего не значащий видеоряд? Но скорее всего в аппарате сновидений покопался тот самый таинственный незнакомец, запах которого учуял Ставр после возвращения из леса.

Шел всего пятый час утра, но спать уже не хотелось.

Ставр сделал зарядку, позавтракал, набрал код «контр-2», но тут же стер. Его официальный отпуск на основной работе еще далеко не закончился, что давало основание дней десять без ущерба для дела не появляться на службе, но с другой стороны, отсутствие связи с неизвестным агентом указывало на нестыковку внутри отделов, и только шеф мог разрешить эту проблему. А поскольку шеф молчал, не интересовался новостями и не тревожил напоминаниями, можно было отдыхать дальше, благо уединенных мест на Земле еще хватало. А на Марсе и того больше.

Ставр ухватился за эту мысль. Идея посетить Плоть Бога и проникнуться масштабом явлений, связанных с Конструктором, стучалась в душу давно, однако все не хватало времени ее реализовать. А в отпуск – пожалуйста, потому что это и отдых, и тренировка фантазии, и духовный запрос, то есть великолепное сочетание приятного с полезным. Остается открытым вопрос: найдет ли его там агент из «погран-2»?

В гостиной тихо прожужжал вызов консорт-линии. Ставр с некоторой озадаченностью мысленно включил обратку.

«Поступил полный интенционал по коду АА», – доложил оперативный инк.

«Не понял. Какой еще интенционал? Я ничего не заказывал!»

Знаток промолчал, не обученный отвечать на риторические вопросы и восклицания.

«Кто передал?»

«Обратного адреса нет».

Ставр почесал затылок, сказал сам себе: жить становится все интересней! Поднялся на второй этаж и развернул в кабинете КПР инка. Интенсионал содержал исчерпывающие сведения о Тартаре и Чужой, планетах и системах, давших жизнь негуманоидным цивилизациям роидов и тартариан, близких друг другу по происхождению.

– Спасибо, приятель, – поблагодарил Ставр неведомого благодетеля. – Но я и так все это знаю по долгу службы.

Кто-то вдруг вошел в дом, бесшумный и опасный. Ни один летательный аппарат мимо не пролетал, а тем более не производил посадку рядом с домом, в радиусе километра вообще никого не было из людей, Ставр засек бы любое живое существо, появившись оно возле дома, и все же кто-то проник в дом, словно материализовался прямо из воздуха.

На «экране» внутреннего зрения мелькнул смазанный силуэт – пришелец пересек прихожую в доли секунды и взлетел по лестнице на второй этаж, отлично зная, где сейчас находится хозяин. Его лоцирующая пси-волна столкнулась со «щитом» Панкротова, тут же превратилась в оружие – пси-копье, попытавшееся пробить блок интраморфа. Ставр отбил выпад и встретил гостя у порога, не решив еще, что с ним делать. Прежде надо было попытаться выяснить причину вторжения и атаки.

Они замерли друг против друга. Вернее, замер Ставр. Гость же колебался, двоился, неуловимо быстро меняя форму в пределах человеческого силуэта. Но это был не человек и даже не киб-интеллект с гибким полевым каркасом, это был пси-фантом с весьма серьезной концентрацией энергии, запрограммированный на определенные действия. Выявить всю его программу Ставр не успел, гость начал атаку.

Несколько мгновений длилась их тихая, незаметная со стороны дуэль. Однако фантом, даже с наведенной защитой и широким диапазоном вариантов ответа, не мог тягаться по возможностям с интраморфом, а тем более с эр-мастером. Ставр нащупал его резонансную частоту, и пси-гость лопнул, исчез, породив тусклую вспышку ультрафиолетового света.

По инерции Панкротов «облетел» поле боя всей сферой чувств, больше никого и ничего не обнаружил и вышел из потока Сил. Во время дуэли он выяснил два интересных обстоятельства: во-первых, его хотели не столько убить, сколько напугать, а во-вторых, программировал пси-исполнителя не человек. Или не совсем человек. Потому что фантом искал уязвимые места в обороне Ставра не так, как это делали бы люди или паранормы.

– Черт! – в сердцах сказал Ставр. – Это уже переходит все границы!

«А ты всегда будь готов к труду и обороне», – вспомнил терафим старинный афоризм. Он видел все, что происходило в комнате, держа связь с хозяином на фиксированной пси-волне.

«Прошу прощения, – вклинился в разговор «домовой». – Только что по треку прошло фантом-сообщение. Включаю запись».

Сообщение звучало примерно так: «Ищите то, чего нет. Найдете – век продлится».

– Очень остроумно, – проворчал Ставр. – Спасибо за совет.

Фантом-сообщения, прозванные Голосом Пустоты, будоражили воображение ученых уже на протяжении полувека, с момента вторжения Конструктора в Солнечную систему. Объяснялись они «эффектом наведенной разумности в компьютерных сетях», но выявить, как и почему возникает этот эффект, не удалось до сих пор никому. Получалось, что в какие-то моменты становится «разумной» вся гигантская система линий связи Земли и этот нечеловеческий разум пытается осознать, что такое он сам, кто такие люди и созданные ими технические комплексы. А сообщения, передаваемые им, были, по сути, попытками контакта.

Хотел бы я знать, что означает визит фантома, подумал контрразведчик. Равно как и предупреждение «искать то, чего нет». Парень, а ведь ты, видимо, стал объектом чьего-то вни-

мания, лишь слегка завуалированного «случайными совпадениями». Необходимо все же пообщаться с шефом, дабы не наломать дров, а еще лучше с дедом, что-то здесь не чисто.

Отчетливый шепот: «Разрешите?» – коснулся слуха. Вернее, слухового нерва. Потому что был это не шепот, а очень точный, «пеленгирующий», узконаправленный пси-импульс.

«Кого там еще несет?» – неосторожно подумал Ставр, решая, брать оружие или подождать. Он еще не совсем отошел от нервной встряски после боя с фантомом.

«Калику перехожую несет, – донесся сквозь эйдообраз хмурой улыбки слоган передачи. – Пустите ради Бога, накормите старца немощного».

Ставр фыркнул, узнав одного из патриархов, друзей деда, Аристарха Железовского. «Немощный старец» Железовский еще и сейчас превосходил молодых интраморфов силой и выносливостью.

«Где вы прячетесь, Аристарх? Заходите, если близко».

«Уже зашел. – Железовский появился в дверях гостиной, громадный, мощный, уверенный и бесшумный. – Я тут случайно проходил мимо... – Он повел носом. – Чую, чую, нерусским духом запахло. Али навещал кто?»

Ставр огорчился.

«Похоже, я вышел из формы, не заметил, как вы здесь оказались».

«Ну, заметить меня, если я этого не хочу, практически невозможно. Хочешь, научу? Есть особые приемы пси-маскировки. Так кто у тебя побывал, говоришь?»

Ставр пригласил гостя сесть, приказал «домовому» принести фрукты и напитки, сел сам. В отсутствие посторонних интраморфы обычно использовали слоган-речь, переходя на звук в исключительных случаях, только чтобы подчеркнуть сказанное.

– На меня только что напал «динго», пси-фантом, – сказал Панкратов. – Я не был готов к... – Он замолчал, потому что Железовский быстро поднес палец к губам и передал мысленно:

«Отставить звук! Переходи на гиперволну, нас могут подслушать».

«Кто?!» – растерялся Ставр.

Аристарх вместо ответа вырастил из плеч костюма – одет он был в уник – усики антенн с шариками на концах. Шарик тотчас же налился малиновым свечением, и вокруг собеседников замерцал – в пси-диапазоне, естественно, – серо-серебристый туман. В световом интервале электромагнитного спектра этот туман виден не был.

«Пси-фильтр, – пояснил Железовский. – На тот случай, если все же кто-то захочет нас подслушать, а любители такие появились. Рассказывай, что случилось, потом объяснюсь я».

Запинаясь, не сразу совладав с удивлением, Ставр передал смысл своего «диалога» с «динго» – наведенной динамической голографией, обладающей пси-запасом и запрограммированной на убийство.

«Понятно, – кивнул Железовский. – Послать обойму живых бойцов они не решились, боясь провала. Удивительно то, почему они решили заняться тобой, рядовым ученым-интраморфом».

«Зато мне ничего не понятно. Кто они? Зачем кому-то вообще проверять меня на этом уровне? Мало было школы?»

«Ты о чем?»

Ставр рассказал о своей стычке с отдыхающими у озера.

Аристарх помолчал, застыв как изваяние. От него исходила волна такой мощи и такого глубокого спокойствия, что Панкратов почувствовал облегчение и сам.

«За интраморфами началась охота, – изрек наконец «роденовский мыслитель», как прозвали Железовского когда-то. – Это одна из проблем, которой мы сейчас занимаемся. Говорят, тебе предложили работу в СПП?»

«Говорят, – неохотно признал Ставр. – Как быстро распространяются слухи».

Железовский гулко хохотнул.

«Просто я достаточно близко знаком с шефом СПП Мигелем да Сильвой. Он просил передать, чтобы ты послезавтра заявился в отдел и получил официальное задание, как опер исследовательской бригады, которая занимается изучением нагуалей. О причинах твоих стычек вчера и сегодня я обменяюсь мнением кое с кем, сделаю эфанализ, может быть, ты попал в круг устойчивого интереса скрытых пока от нас сил. А это, в свою очередь, может повлечь за собой ряд эффектов, которые сорвут наши планы и твою работу опера».

Ставра неприятно поразила осведомленность Аристарха о сцене в лесу под Владимиром, но он решил пока воздержаться от подтверждения «слухов».

«Что вы имеете в виду?»

Аристарх пропустил реплику мимо ушей.

«Кроме официального задания, синклит старейшин Все вече просит тебя заняться делом более серьезным, по которому с одобрения твоего деда получишь карт-бланш особых полномочий. И это настолько серьезное дело, что упаси тебя Бог проговориться или даже подумать о нем в присутствии паранорма! Кстати, о находке нагуаля – никому ни слова».

«Меня дед уже предупредил».

«Потому что данный объект напрямую связан с твоим вторым заданием. – Аристарх снова не обратил внимания на мысль собеседника. – Дело в том, что мы регистрируем целенаправленное изменение условий существования в нашем уголке метавселенной. Ни больше ни меньше! Я называю этот процесс просачиванием инфернальности, твой дед выразился более образно: в нашу Вселенную «дышит» другая, со своими законами и принципами бытия. Возможно, это следствие прорыва в наш мир Конструктора полсотни лет назад. Никто не знает точно, мы тоже. Но скорее всего это попытка иного разума, абсолютно чуждого нам, более чуждого, чем негуманы и даже Конструктор, дестабилизировать, перестроить наш метagalacticкий домен для каких-то своих нужд. Если дело обстоит таким образом, нас ждет самая странная и страшная война – на всех мыслимых уровнях бытия, вплоть до уровня законов, регулирующих взаимоотношения Вселенных, подобных нашей. Уразумел?»

Ставр молчал. Он был потрясен тем, что его «вербовали» для выполнения того же задания, которое он получил в «контр-2»! Пересечение интересов действительно поражало.

«Твое задание – выйти на конкретных исполнителей чужой воли и, если удастся, захватить их. Это могут быть люди, паранормы, витсы, негуманы и черт знает кто еще, поэтому уровень перехвата должен быть высочайшим, вплоть до пятого. То есть до момента задержания никто не должен даже догадываться, что он принципал. Тот, кто контролирует просачивание – мы его назвали Фундаментальным Агрессором, ФАГом, – наверняка предусмотрел способы ликвидации как тех, с кем он работает, так и тех, кто будет работать против. Уразумел?»

«Так это его посланец пытался меня убить?!»

«Скорее всего не убить, а пощупать оборону. Хотя, конечно, уверенными быть мы не можем».

Ставр съел несколько ягод земляники, глянул в непроницаемые глаза Железовского.

«Аристарх, вы сказали мне и слишком много, и слишком мало. Можно я подумаю?»

Железовский отрицательно качнул головой:

«У нас нет времени на размышления, эрм. И я сказал тебе достаточно».

Ставр доел ягоды, решая, что делать дальше. Соглашаться было смешно, не соглашаться – означало выставить себя если не трусом, то дураком. Интересно, как бы прореагировал шеф на эту «вербовку»? Наверное, просто отстранил бы от задания. Если о суперсекретном деле знает не один и даже не два человека, а трое-четверо, если не больше, то провал неизбежен... Карамба!

«Хорошо, я согласен, – сказал Ставр. – Но если это задание дается мне, вернее, в отдел пограничных проблем, значит, в контрразведке у нас – глаза и уши этого самого Фундаментального Агрессора?»

«Соображаешь. Контрразведка сейчас занята деятельностью негуманов возле Тартара и Чужой, но без увязки с нашей проблемой. О просачивании знаем только мы, эксперты-проконсулы синклита. Но контактировать с контрразведчиками тебе, конечно, придется, у них много интересной информации».

«Между прочим, я получил интенционал по негуманам, – вспомнил вдруг Ставр, – хотя сам не заказывал. Может быть, кто-то из вас решил предупредить события?»

Железовский снова окаменел, и Панкратов понял, что тот пытается установить с кем-то связь через поле Сил. Через полминуты Аристарх расслабился, сказал с сожалением:

«Не могу нащупать канал, наверное, твоего будущего шефа нет в Системе. Но возникает масса неприятных вопросов. Мы тебе никакой деловой информации не посылали, и я даже представить не могу, кто это мог сделать. В таком случае мы поспешили с выбором, и тебе не стоит заниматься этим делом. Жди решения, надо посоветоваться. Уж слишком много случайных событий завязывается вокруг твоей персоны. Но будет жаль, если придется взять в команду другого эрма. – Железовский улыбнулся, разглядывая порозовевшую физиономию Панкратова. – Как-никак твою кандидатуру выдвинул я. В принципе можно и рискнуть... – Патриарх помолчал немного. – Но в таком случае тебе придется поработать с подстраховкой, в паре».

Ставр нахмурился, хотел было ответить отказом, потому что отказ его был равносителен смене кандидата в оперы, но ему уже не терпелось включиться в этот необычный круговорот, пересечение интересов и контринтересов. «Ввяжусь, а потом посмотрим», – подумал он словами девиза Наполеона.

«А иначе нельзя? Я всегда работал один».

«Для той роли, которая тебе отводится, нужна двойная, а то и тройная подстраховка. Мы рискуем не столько твоей жизнью, сколько жизнью Вселенной!»

«Очень уж громко звучит. Вселенная не должна зависеть от одного человека. Хорошо, я согласен. Кандидатуру напарника найдете вы или доверите выбор мне?» У Ставра мелькнула надежда взять в напарники одного из друзей, Степана или Рауля.

«Я хотел бы, чтобы с тобой поработала моя внучка Видана. Она интраморфф, естественно, эфналитик и профессионал воинских искусств. Работает в погранотряде Левашова».

Смутное подозрение заставило Ставра взглянуть в собеседника пристальнее, но на каменном лице Аристарха прочесть ничего было нельзя, как, впрочем, и прочитать его мысли. Имя Видана вроде бы ему напомнило что-то, хотя и смутно, а вот имя Левашова было знакомо хорошо: известный ученый-фридманолог Артур Левашов был одновременно и лихим руководителем погранзаставы, располагавшейся в системе звезды Чужая, возле псевдопланеты роидов. К тому же когда-то Ставру посчастливилось поработать с ним на Тартаре.

– Хорошо, – с неудовольствием вслух сказал Ставр. – Я потерплю. Но не слишком ли вы рискуете своей внучкой?

Он хотел сказать иное: не станет ли девица ему обузой? – но Железовский понял его и так, раздвинул губы в едва заметной иронической усмешке.

«Вот и ладушки, опер, потерпи уж для пользы дела, как говорит мой друг Володя Бакан. Ты еще не знаешь моей внучки. Я сообщил тебе только общие данные, вводную, так сказать, часть, а вот тут – интенционал по твоей... вернее, по нашей общей проблеме». – Аристарх протянул Ставру золотом просиявший браслет.

В принципе это и был браслет, только изготовлен он был не из золота и вообще не из какого-нибудь материала, потому что представлял собой полевую структуру, «упакованное знание», так сказать.

Ставр молча нацепил браслет на руку.

«*Calamitas virtatis occasio*¹⁰, – сказал Железовский, вставая. – Удачи тебе, мальчик. И помни, с Фундаментальным Агрессором шутки плохи, ошибок он не прощает. Так погибли многие из наших ребят, прежде чем мы поняли, с кем имеем дело. На него надо выйти чисто, ну а решать проблему его захвата будем сообща. Возможно, сделают это другие».

«Кто? – поднял голову Ставр. – Отец, дед? Шеф СПП?»

«Если я скажу, ты не поверишь. Впрочем, до захвата надо еще дожить. Может быть, придется выходить на *такие* просторы Вселенной, что не хватит никакой фантазии. До связи, эрм».

И Железовский, свернув аппаратуру пси-фильтра, исчез.

Машинально Ставр сопровождал его в пси-поле до ближайшей стоянки аэромашин, потом вспомнил о браслете и активировал его. Через несколько секунд браслет исчез, будто всосался под кожу, а на голове Ставра прошумел холодный ветер, распахнул окошко пси-запаса, и вся новая информация осела в глубинах памяти. Теперь Панкратов знал все, что знал по данной проблеме синклит старейшин. Правда, эту информацию ему еще раньше передал начальник «контр-2».

¹⁰ Бедствие – пробный камень доблести (лат.).

МУЖСКИЕ ИГРЫ

– Надо запретить туристические рейды по Системе, – сказал командор погранслужбы Людвиг Баркович. – Пока мы полностью не очистим ее от К-следов.

– Вы считаете, что «Баальбек» напоролся на след Конструктора? – осведомился его собеседник, молодой, высокий, с роскошной рыжей шевелюрой без всяких модных украсов.

– А вы так не считаете? – покосился на него Баркович.

Они стояли в центре зала визуального контроля спейсера «Зурбаган», принадлежащего погранслужбе Солнечной системы. Спейсер висел в пустоте между орбитами Урана и Нептуна, в том месте, где лайнер «Баальбек» наткнулся на невидимое препятствие, пробившее его навывлет по всей длине.

– Я привык опираться на точные данные, – произнес рыжеволосый. Это был комиссар-прима безопасности Пауль Герцог.

Оба были интраморфами, но Баркович не входил в число друзей Герцога. Командор погранслужбы слыл личностью сильной, но странной, никто из интраморфов ни разу не общался с ним с помощью слоган-речи, которая предполагает открытость мысленного поля. Мозг Барковича всегда находился за блоком, «застегнутый на все пуговицы». Также никому не был известен эгрегор, к которому присоединился Баркович.

Рядом со спейсером висел светящийся «бублик» исследователей и экспертов СЭКОНа, чуть поодаль маневрировал драккар спасателей, еще с десятка зелено-голубых огней обозначали индивидуальные коконы специалистов-безопасников и ученых, занятых изучением нагуаля. Сам нагуаль, естественно, виден не был, но его окружили десятиметровой сферой силового поля, отражавшей свет, и казалось, что рядом висит дымчато-радужный шар миниатюрной планеты. Ультраоптика зала позволяла зрителям видеть все объекты космоса в объеме и с любым разрешением, поэтому возникали любопытные эффекты: казалось, до Солнца, видимого золотым апельсином, до Нептуна, видимого в форме лимона, как и до близких предметов, можно дотянуться рукой прямо из зала. Система связи «спрута» то и дело доносила переговоры служб за бортом «Зурбагана», отсеивая их каждому соответственно служебной компетенции, но волну тревожного канала слушали оба. И когда связь принесла вопль: «Какого дьявола ты сюда приперся, супер?! Обойдись без твоей помощи, вали в свой сектор!» – собеседники переглянулись.

– Шаридан нервничает, – обронил Баркович, не оправдывая пограничника, но и не осуждая. – Не надо было включать в общую команду интраморфов. Уже возникали конфликты...

– Конфликты возникают потому, что это кому-то выгодно, – сказал Герцог, сдержанно улыбаясь. – И вы это прекрасно знаете, Людвиг. Но я своих индиверов отзову, им здесь пока нечего делать. Что вы думаете о природе нагуаля?

– Судя по характеристикам, это сгусток частиц с отрицательной энергией...

– Нет, я имел в виду не физическую природу. Появление и рост нагуалей напоминает процесс прорыва в наш метagalактический домен Конструктора.

– Я не думаю, что Конструктор вновь возвращается к нам столь экзотическим способом. Ему здесь тоже делать нечего, как и вашим индиверам.

Комиссар-прима снова улыбнулся, он казался беззаботным и был очень терпелив.

– Тогда, может быть, к нам стучится кто-то еще? Так сказать, близкий родственник Конструктора?

Баркович промолчал, мысленно отвечая какому-то своему корреспонденту. Потом перевел разговор на другую тему:

– Я вышел в Совет безопасности с предложением объявить аврал по Системе. Надо в конце концов вычистить ее до блеска, чтобы не наткаться босыми ногами на осколки стекла

или, что хуже, на мины и бомбы замедленного действия. Даже если это не есть следы Конструктора. Мы сами накопили немало опасного мусора в самых неожиданных местах Системы.

Герцог помолчал, так же как и собеседник, общаясь в пси-диапазоне сразу с двумя-тремя абонентами.

– Наверное, я поддерживаю вас. Но хочу предупредить: наша деятельность в этом направлении может натолкнуться на противодействие... скажем, неких неизвестных сил, поэтому необходим самый жесткий императив подстраховки. Вплоть до варианта «Кольчуга»

Баркович хмыкнул.

– У вас все, комиссар? Как-нибудь разберемся. У меня много дел, до встречи.

Не оглядываясь, командор погранслужбы покинул зал спейсера. Герцог остался один, если не считать двух старменов, тихо переговаривающихся в другом углу зала. Комиссар мысленно позвал одного из них:

«Николай, объяви «Аргус» по треку. Не покидает ощущение, что нас всех «пасут».

«Объявил, – отозвался стармен, он же кобра системы «ланспасад». – Могу включить эшелон».

«Включай, не помешает, я на Землю».

Через несколько минут комиссар вышел из метро управления, чтобы столкнуться с Баренцем.

«Что случилось? У вас вид кролика, загипнотизированного удавом».

«Меня вызвал к себе Хасан Алсаддан».

Двое интраморфов смотрели друг на друга, прекрасно понимая, что означает этот вызов.

«Проигнорировать вызов нельзя?»

«Это покажется странным».

«Подстрахуйтесь эшеломом, могу дать свой».

«Я все время буду в поле Сил. Но не думаю, что Алсаддан перейдет к активным действиям. Он еще не знает того, что знаем мы».

«Но слухи о методах лептонной разведки¹¹ могут оказаться правдивыми. Он не сможет вас прочесть, прозондировать?»

«Я ношу пси-фильтр и «защитника». Но все же я уверен, что Алсаддан не решится на прощупывание».

Баренц вскинул кулак к плечу и вошел в зал метро. Герцог мысленно пожелал ему удачи.

Резиденция Совета безопасности располагалась в Берне, на площади Трех Великих Художников.

Баренц не поддавался искушению пройтись по плитам старой площади, разглядывая скульптурные и архитектурные шедевры, созданные две сотни лет назад Гуднессеном, Русаковым и фон Мольтке. Мысли воеводы синклита старейшин были заняты другим. К тому же он чувствовал слезку, несмотря на то что велась она способами, ему неизвестными, столь изощренно, что подсознание «хватало» лишь слабый «шум» чужого пси-присутствия и внимания. Вероятно, вели Баренца на уровне эгрегора, а не индивидуально. Это убеждало в разумности тех неординарных методов секретности, которые разработал Железовский.

Президент Совета безопасности мира Хасан Алсаддан, смуглолицый, седоголовый, с лицом таким неподвижным и гладким, что, казалось, оно выточено из цельного куска эбенового дерева, ждал Баренца в своем служебном модуле на сорок пятом этаже здания-кристалла. Баренца трижды проверили на входе на предмет ношения оружия, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы охрана и аппаратура не обнаружили в волосах спецустройства типа «защитник» и встроенный в уник пси-фильтр. Но еще в зале метро совета он ощутил пси-дав-

¹¹ Лептоны – класс легких элементарных частиц, в который входят электроны, мезоны, нейтрино и их античастицы.

ление эгрегора, к которому принадлежал Алсаддан. Казалось, над головой собралась грозная туча, искрящаяся множеством мелких молний, готовая разрядить в любого человека под ней свою исполинскую мощь.

Алсаддан носил традиционный белый бурнус, такие же белые шаровары, кожаные сандалии и пахлави – род чалмы, почти скрывающей волосы. Пальцы его украшали перстни, усиливающие пси-поле, а на запястье правой руки красовался браслет из оранжевого металла – родовой знак, говорящий о том, что предки Алсаддана были эмирами Бухары тысячи лет назад.

Слоган-речь президента совета отличалась лаконичностью и отсутствием «мимики» – образных оттенков мыслиформ и создаваемых видеокартин.

«Вы опоздали на четыре минуты, Ярополк. Это не первое проявление неуважения к совету и ко мне лично. Впрочем, к делу, у меня очень мало времени. Я получил сведения, говорящие о недопустимо отвлеченной деятельности синклита старейшин. Втайне от Совета безопасности и подкомиссии Всевече по правам человека вы создали группу, деятельность которой нарушает вэлфер¹² Системы».

«У нас с вами разные оценки ортобиоза¹³, – спокойно ответил Ярополк. – Однако социум болен, и вы это знаете. Но, во-первых, синклит старейшин не занимается никакой противозаконной деятельностью и, уж конечно, не создавал для этого никаких специальных групп. Во-вторых, синклит есть орган экспертный, рекомендующий, а не управляющий. Не согласны с нашей оценкой – выходите на Собор Вече с предложением создать третейскую комиссию по проверке наших выводов. В-третьих, вы отлично осведомлены о негативных изменениях в социуме Системы, проявляющихся в мисонеизме¹⁴ и нетерпимом отношении ко всем инакомыслящим, инакоживущим. Особенно наглядно это было выражено при появлении полсотни лет назад Конструктора. Не так ли? Но главное, о чем вы тоже знаете, тенденции эти сохранились как тенденции общего роста энтропийного фона. Не пора ли Совету безопасности заняться этой проблемой?»

«Позвольте решать мне, чем должен заниматься Совет. Ваши регулятивы¹⁵ опасны для цивилизации, именно они создают тот чреватый конфликтами фон социальных напряжений между нормалами и паранормами. Для оценки опасности исследований и бытия существует СЭКОН, занимайтесь своей непосредственной работой или подайте в отставку, но дальше вашу таинственную возню совет не потерпит. Зарубите это себе на носу».

На мгновение в уши Баренца ударил «шум прибой» – мощная волна пси-излучения, грозившая «превратить человека в пыль», однако блок интраморфа оказался сильнее.

«Это что, объявление войны?» – холодно осведомился он, все еще чувствуя нависшую над головой тяжелую гору – взгляд эгрегора, состоящего из сотен или тысячи пси-сфер интраморфов и людей. Теперь уже не оставалось сомнений, что президент Совета безопасности Хасан Алсаддан, инициатор южномусанского эгрегора, охватившего часть Закавказья, Ирак, часть Ирана и Пакистана, *увлечен* в действие ФАГом.

«Идите, – сказал Алсаддан. – Вы слишком мелкая сошка, чтобы объявлять вам войну. О человечестве есть кому позаботиться, занимайтесь лучше своими стариковскими делами».

Баренц повернулся и вышел. С Алсадданом он был знаком лет пять, знал все его сильные и слабые стороны, не раз критиковал его решения после избрания на пост президента, и эта последняя стычка просто расставила точки над «i». Было бы смешно затевать с ним перепалку, спорить или вступать в борьбу. Алсаддан был «темным» паранормом по рождению, властолюбивым и презирающим чужое мнение, убедить его в чем-либо не представлялось возможным.

¹² Вэлфе р – термин, означающий идеальное состояние государства.

¹³ Ортобиоз – здоровый, разумный образ жизни.

¹⁴ Мисонеизм – страх ко всему новому и непознанному.

¹⁵ Регулятивы – социально-этические принципы познания.

«Хотя интересно, – подумал Ярополк, – выстоял бы он при физическом контакте или нет? Что мы знаем о его подготовке? Ничего. Что, если он минус-эзм?»

В следующее мгновение эксперта накрыла невидимая сеть парализатора и последовал сильнейший шумовой гипноудар. Защитой от него был лишь слабый барьер воли и пси-запрета, энергия которых не могла противостоять влиянию извне энергий на порядок больших. Баренца спасла только аппаратура защиты, которую он взял с собой, да помощь своего эгрегора, хотя и ослабленная расстоянием. Он продержался, по собственной оценке, около восьми секунд, пока шел через приемную президента, а когда вышел в коридор, луч парализатора выключили. . .

«...Впечатление было такое, будто меня вывернули наизнанку, разобрали по винтику, по атому, а пепел хотели развеять по ветру, – сказал он Берестову, все еще не придя в себя после сильнейшего стресса. – Не помню, как нашел метро и возвращался, наверное, «на автопилоте». Не знаю, лептонная это разведка или нет, но, если наши ученые мужи не разберутся, что это такое и как от нее защищаться, долго мы не продержимся. Но я удивляюсь не этому, а тому, как Алсаддан решился на ее применение!»

«Значит, был уверен, что ты не выдержишь и расколешься, а потом все забудешь».

Ратибор сходил на кухню, принес травяного тоника, подождал, пока бледный Баренц выщедит напиток, сел напротив.

«Значит, Алсаддан с ними... это плохо!»

«Чего ж хорошего. Фигура он крупная и влиятельная, особенно в Южной Азии, которая во все времена была головной болью для службы общественного порядка и безопасности. Он вполне может попытаться лишить нас статуса экспертов-проконсулов и советников синклита. Много мы сделаем, не имея официальной поддержки?»

«Есть фигуры и покрупней его, архонт Все вече, например, начальник УАСС, председатель СЭКОНа. Но ты прав, Хасан – сильный противник. Чем же ФАГ взял его, чем купил, что пообещал? Райскую жизнь? Паранорм его класса не клюет на такую наживку. Бессмертие? Это скучно и недостижимо. Власть? Так у него ее предостаточно. Что еще?»

«Не знаю. Это вопрос вопросов. Но для нас пока важен сам факт противостояния: наш лагерь, к сожалению, не един, а это означает, что человечество, виды хомо сапиенс нормис и хомо паранормис, под угрозой исчезновения. По данным эфналитиков, процесс социального распада вскоре начнет расти по экспоненте, мы начнем великую гражданскую войну и – финита!»

«Да, старик, сильно тебя напугал Алсаддан! Выкушай-ка еще отварчика, успокаивает».

Ярополк слабо улыбнулся, допил янтарно-золотистую жидкость в стакане, сдавил его и протянул хозяину нечто вроде сосульки – то, что осталось от стакана.

«Я и не скрываю – напуган. На тебе бы испытать эту лептонную... пытку! Если мы в ближайшее время не выйдем на ФАГа или хотя бы на его эмиссара, он сам выйдет на нас. Последствия будут печальны, не так ли, проконсул?»

В гостиную вошла Анастасия Демидова, жена Ратибора, не потерявшая ни грана своей привлекательности с момента знакомства ее с Баренцем, а прошло с того момента ни много ни мало – полсотни лет. Правда, Баренц знал, что Ратибор и Анастасия вместе не жили, каким-то образом это устраивало обоих, хотя они любили друг друга и у друзей появлялись только вдвоем. В ее ауре преобладали запахи степных трав и музыка Грига.

«Привет, Яр. Что вы тут шепчетесь тайком? Не нравится мне твой вид. Случилось что?»

«Случилось то, чего следовало ожидать. ФАГ достал Землю. Ну, может быть, не сам, а его эмиссары, о которых мы можем только догадываться. Но работают они уверенно, хотя и не без проколов. Похоже, пришла пора оптимизировать наши спейсеры для космического боя».

«Эк, хватил! – крикнул Ратибор. – Никто не собирается нападать на Землю в духе старых космических боевиков. Война, если она начнется, будет вестись тоньше и одновременно мощ-

ней. Другое дело, что всем интраморфам придется овладевать приемами векторной защиты и адекватного ответа, коими пока владеют только эрмы».

Анастасия, загорелая, красивая, одетая по-летнему в полупрозрачный сарафан-валькирию, растрепала Баренцу волосы на затылке, засмеялась.

«Тебе все видится в мрачном свете, воевода. Не все так плохо. Мы готовы к войне. Единственное, что меня беспокоит, как и Ратибора, что в нашем стане нет единства».

«К войне, к которой нас подталкивает ФАГ, мы не готовы! Это скорее многокритериальная шахматная игра, где главные фигуры остаются в тени. Для них неважно – как, где и сколько погибнет пешек, их регулятивы нам непонятны, да и выигрышной стратегии, наверное, не существует. Может быть, для них важен даже не результат этой игры, а сам ее процесс. Может быть, после игры уничтожаются как игровые пространства, так и сами игроки».

Берестов с любопытством глянул в глаза Ярополка.

«Бьюсь об заклад, что ты недавно общался с Тотом Мудрым».

Баренц кивнул с неохотой. Тотом Мудрым они называли одного из ученых своего круга, естествоиспытателя и философа Яна Тота, ярко выраженного индивера, который общался с себе подобными не более одного раза в год.

«Как тебе удалось добиться встречи с ним?»

«Моя дочь встречается с ним... но речь не об этом. Возможно, Тот прав».

«И все же его правота не снимает с нас ответственности за последующие события. Хорошо бы поговорить с ним всем синклитом, авось и посоветовал бы, что делать».

«Вряд ли, ты же знаешь его характер. Но я попробую договориться, терять нам нечего. Аристарх предложил задействовать императив «Дуэль», и я, похоже, его поддержу».

– Выше голову, хомозавры, не делайте из мухи слона, – вслух проговорила Анастасия. – Не так страшен черт, как его...

– Эгрегор, – закончил Баренц.

Все трое засмеялись, мужчины – невесело, женщина – с оттенком жалости и превосходства. Она была очень сильным эфаналитиком и *видела* будущее более отчетливо, чем они.

Сообщение о новой находке нагуаля пришло в научный центр УАСС, минуя цензурный заслон СЭКОНа, поэтому о находке узнало сразу множество лиц, заинтересованных как в изучении, так и в сокрытии тайны нагуалей.

Невидимый объект был открыт случайно – на него наскочил спейсер Даль-разведки «Сокол» у звезды Копа де Плата в Рукаве Стрельца, то есть за три тысячи светолет от Солнца. Размеры нагуаля потрясли: если бы его поместили в центр Солнечной системы, он занял бы объем пространства до орбиты Сатурна! Но, как оказалось, раньше его открыли негуманы – орилоуны и чужане, чьи гигантские корабли, форму которых описать сложно, кружили вокруг нагуаля. Кроме того, стармены клялись, что видели еще какие-то тела, также не похожие на машины пространства, в форме трезубцев, и в дело вмешались пограничники, готовые к контакту с любой формой разумной жизни в космосе.

Начальник сектора пограничных проблем ОБ УАСС Мигель да Сильва вызвал Ставра Панкратова спустя сутки после открытия Большого Ничто, как называли нагуаль пограничники. Поскольку задание изучить проблему на месте не противоречило заданиям, полученным от синклита старейшин и шефа «контр-2», Ставр изъявил желание приступить к работе немедленно, надеясь сохранить свой статус-кво индивера. Однако судьба в лице начальника СПП распорядилась иначе.

«Будете работать в паре с профи погранслужбы, – сказал Мигель да Сильва, испанец до мозга костей. – Он ждет вас на спейсере пограничников «Кром». Спец эфанализа, эксперт по оружию, мастер единоборств, а главное – интраморф. Вам с ним будет легко».

И на том спасибо, что мужик, подумал Ставр с облегчением. Придется Аристарху давать отбой своей внучке, еще неизвестно, что она за штучка. Но волновало Панкратова другое: агент из «погран-2», с которым ему предстояло работать, так и не вышел на связь.

Радовался он напрасно. Обещанный новым шефом профессионал-пограничник оказался той самой девицей по имени Видана Железовская, с которой он «скрестил шпаги» в лесу под Владимиром!

Знакомил их сам Мигель, беззаботный с виду, как одержавший очередную победу спортсмен, сверкающий белозубой улыбкой. Когда шок у Ставра прошел (Видана пришла в себя раньше), девушка сказала:

– Мир тесен, эрм. Но предупреждаю заранее: общение – только в пределах служебной необходимости, никаких отклонений от заданной темы. Это первое. Так как по условию деда, которого я бесконечно уважаю, вы – лидер, вам и карты в руки, готовьте планы и методики. Но вследствие принадлежности разным службам я подчиняюсь только до границ столкновения интересов. Это второе. Я понятно выражаюсь?

– Вполне, – холодно ответил Ставр, принимая тон. – До завтрашнего утра вы свободны.

Видана небрежно кивнула, поздоровалась с подошедшим Барковичем, задрала подбородок и удалилась походкой сытой пантеры.

– Что это вы обижаете девочку? – флегматично заметил Баркович, провожая взглядом будущую напарницу Ставра.

Командор погранслужбы Людвиг Баркович, одевавшийся по моде девятнадцатого века в безукоризненный смокинг и ослепительно белую рубашку (уник, разумеется), в этом наряде, подчеркиваемом благородной сединой и манерами аристократа, походил на графа Монте-Кристо, выслеживающего очередную жертву мщения.

– Кто ее обидит, тот дня не проживет, – засмеялся да Сильва. – Людвиг, позвольте вам представить моего нового штатного опера: Ставр Панкратов, доктор физики, исследователь Таргара.

Ставр коротко поклонился, на что Баркович ответил небрежным кивком.

– Наслышан. Мигель, признайтесь – зачем вам понадобилось соединять в одной упряжке... э-э... паранорма и трепетную лань? Насколько я знаю по отзывам, Видана представляет тип женщины-вампа: красива, грациозна, смела – и всегда готова пустить в ход когти и зубы.

«Разрешите идти?» – вытянулся Ставр, которого покорило от оценки командора: что-то стояло за его словами, некая причастность, личный опыт. Людвиг Баркович слыл сердцеедом и не пропускал, по слухам, ни одной юбки. Неужто обжегся на этой самой Видане?

В глазах командора мелькнули огоньки колючей иронии.

– Идите. Удачного вам старта. Хотя я не думаю, что ваше участие в изучении нагуалей сильно поможет науке и погранслужбе справиться с проблемой. Но коль сам комиссар-прима рекомендовал подключить ваш сектор...

Ставр мысленно попрощался с Мигелем, четко повернулся и вышел из визкона спейсера, направляясь к ангару спецмашин. В его распоряжение был передан «голем», рассчитанный на все случаи жизни в космосе.

Ну, дед, погоди! – сердито подумал он, влезая в кокон «голема» спиной вперед. Большой свиньи подложить ты не мог! И ведь знал же, где я с ней успел «познакомиться»! И Мигель хорош! Сговорились они, что ли? Но надо признаться, она великолепна! Женщина-вамп... а? Как же мы будем работать в паре, хотел бы я знать?..

ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА

Он стоял в полной темноте, освещаемый только светом звезд, и вслушивался в тишину космоса. Звезд было много, гораздо больше, чем видел человеческий глаз с поверхности Земли ночью, и все они были крупными, яркими, ощутимо горячими и светили не мигая. Кроме того, торец Галактики – Млечный Путь вырисовывался здесь четче и сиял ярче, действительно образуя светящуюся «молочную реку». В памяти всплыли стихи старинного поэта:

В мерцанье звезд нисходит на меня
Иных, нездешних дум святое обаянье.
Благословляю ночь за краткое мерцанье
Небесного огня¹⁶.

Ставр вздохнул. Он любил подолгу смотреть на звезды, слушать их шепот и растворяться в необъятной, невообразимо сложной субстанции под названием Маха Суньята – Великая Пустота. Живая Пустота – такой он ее ощущал...

В пси-сферу вторглась чья-то посторонняя мысль. Ставр очнулся, ощущение полного одиночества прошло. Он стоял посередине визкона с выключенными окнами и освещением. Зал принадлежал погранзаставе «Стрелец», располагавшейся в режиме «инкогнито» в системе звезды Чужая, возле планеты Чужая. По сути, погранзастава представляла собой спейс-машину с приличным запасом хода, а по энерговооруженности не уступала спейсерам Дальразведки.

Кроме Панкратова, в зале не должен был находиться ни один человек, но он появился как тень, словно просочился сквозь обшивку станции. Ставр узнал его пси-запах, это был шеф «контр-2» собственной персоной.

«Агент не появился, – сказал Панкратов, принимая уровень встречи. – Причин не знаю». «Жди».

«Смешно, но патриархи синклита дали мне практически то же задание. Я вынужден был принять предложение, иначе меня не поняли бы».

«Это не смешно. Проконсулы хорошо чувствуют ситуацию. Но тебе следовало отказаться. Ты хоть знаешь, что синклит по уши сидит в императиве «носорог»?»

Ставр похолодел. Императив «носорог» был разработан специально для группы, отвлекающей на себя основные силы противника, и означал сознательную «засветку» членов группы.

«Значит, синклит подставился... намеренно?!»

«Нет, они так не считают. Они думают, что они – единственные спасители человечества, о «контр-2» эксперты не знают... хотя, может быть, кое-кто догадывается. Но сути это не меняет. Ты засветился, и я буду вынужден изменить план. Переходи на официальную работу в рамках инструкции. Если понадобишься, я тебя найду».

Ставр сглотнул горечь во рту.

«Я виноват, Джордан, но, во-первых, ничего не знал, а во-вторых, не стоит раздувать из мухи слона. Я справлюсь, просто буду действовать осторожней. Кстати, если я провалюсь, мой провал тоже можно будет списать на деятельность синклита, а не «контр-2».

Короткое молчание.

«Хорошо, попробуем. Человек из «погран-2» присматривается к тебе, так что – до его решения. Не понравился – не обессудь, придется свернуть операцию. До связи».

¹⁶ Ф. Сологуб.

Зал опустел, словно дух, разговаривающий с Панкратовым, улетел обратно в космос. Но через несколько секунд раздался другой пси-голос, и Ставр, злой, недовольный всем миром и собой в том числе, ответил ему, сдержав вздох:

«Конечно, входите, Артур, это же ваши владения».

Это был Артур Левашов, начальник погранотряда и научный лидер исследователей заставы.

«Не возражаете, если я выключу пол?»

«Ни в коей мере».

Левашов, невидимый в темноте, подошел ближе. Плита пола под ногами из абсолютно черной стала прозрачной, хотя это почти не отразилось на освещении зала, просто стала видна нижняя полусфера обзора со звездами, а также с косматым сиренево-золотым шаром Чужой и туманно-малиновым пятном псевдопланеты Чужая. Чуть поодаль от пятна висела тонкая серебряная паутинка – там, где чужане накрыли выявленный ими нагуаль, решетки «абсолютного зеркала» наподобие той, которую они построили полсотни лет назад для встречи Конструктора.

Хотя в зале, кроме них двоих, никого не было, разговор продолжался в звуковом диапазоне, несмотря на то что оба были интраморфами. Левашов отдыхал после трудов праведных, а Ставр никуда не спешил.

– Не понимаю, почему нагуали «привязаны» к конкретным объектам, – сказал он. – Ну, дрейфовали бы себе под влиянием каких-то внутренних процессов, а то ведь торчат в тех местах, где появились, как приклеенные.

– Вероятно, это следствие каких-то очень тонких взаимодействий нагуалей с гравитационным полем и вакуумом, – отозвался Левашов, невысокий, хрупкий, с лицом Мефистофеля. – А вот насчет их внутренних процессов позвольте возразить: их, этих самых процессов, может и не быть вовсе, если принять формулировку одного из моих коллег. По его версии, нагуаль – бесконечно простой объект.

Ставр хмыкнул.

– Схоластика. Что может быть проще математической точки?

Левашов улыбнулся, шевеля косматыми бровями. Панкратов отлично видел его в почти полной темноте. Вернее, в призрачном свете звезд.

– Как сказал бы Генри Филдинг: Ничто! Ибо Ничто – глубокое философское понятие, не сводящееся к одной только математике или физике, размышлять над которым не перестают великие умы современности, уверенные в том, что Ничто существует. Причем реально. Но это тема отдельного разговора. Вы были возле нагуаля, проросшего у одной из звезд Стрельца...

– Копа де Плата.

– М-да, оригинальное название для голубой звезды класса O2. И как он выглядит?

Ставр понял собеседника. Тот имел в виду не визуальное наблюдение. Нагуаль не виден ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра, а те способы, с помощью которых ученые пытались сделать его видимым, не сработали. Краска, например, на него не оседала, не прилипала, универсальный клей, не боящийся абсолютного нуля, тоже, а свет – фотоны и другие частицы – поверхность нагуаля не отражала. Кроме нейтрино. С нейтрино вещество нагуаля каким-то образом реагировало, что давало шанс увидеть его в «свете» нейтринного проектора.

Все эти размышления Ставр передал в одном слогане.

Левашов кивнул.

– То же самое и здесь. Скажите, Ставр, зачем вы ушли из науки? Из соображений безопасности? Едва ли сектор пограничных проблем даст вам достаточно свободы и времени для занятий собственными научными изысканиями. Помню, года три назад вы штурмовали общую теорию многомерных пространств...

Ставр кивнул. После окончания Физического института Земли он с месяц или чуть больше работал с Левашовым, а потом ушел в группу Вивекананды на Таргар и проработал там полтора года, прежде чем принял предложение – действительно из соображений безопасности – перейти в СПП. Из его начальников ни Левашов, ни Вивекананда, естественно, не знали, что он работает на службу безопасности, точнее, на «контр-2» – сектор кризисных ситуаций контрразведки. Будучи эрмом, он успевал работать на обоих поприщах и даже заниматься фантомоделированием в редкие минуты досуга, но свободного времени у него оставалось все меньше и меньше. Однако всего этого Ставр рассказывать Левашову не стал.

В зале вспыхнул свет, появились стены с тремя окнами дальновидения, показывающими Млечный Путь и систему Чужой.

Левашов, одетый, как и Ставр, в бело-серый уник, глядел на него вопросительно.

– Присядем?

Из пола выросли два низких кресла. Ставр командовал инку костюма включить пси-фильтр, и вокруг них замерцал серебристый «туман» блокирующего мысли пси-поля. Во взгляде Левашова отразилось понимание. Ставр перешел на слоган-речь:

«Я опер контрразведки, Артур, и об этом пока никто не должен знать, даже патриархи синклита, с которыми вы дружны. Моя цель – нагуали... ну, может, не столько они, сколько все, что происходит вокруг них. Я обследовал нагуаль возле Копы де Плата, а также в Солнечной системе и понял, что штука эта непредсказуемо опасна. Загадка нагуаля лежит, наверное, больше в области социокосмологической, чем физической. А ваше мнение?»

«Я не знаю, что такое нагуаль. Во всяком случае, это не «черная дыра», так как эффект поглощения всех типов излучений не сопровождается полным коллапсом вещества. Может быть, идеальное «абсолютно черное тело»? В нашем континууме реализовать такую вещь невозможно, таковы физические законы, законы термодинамики. Может, это пресловутая зеркальная материя с отрицательной гравитацией, может, спонтанно растущее «абсолютное дерево энтропии»... да-да, растущее, потому что объем нагуаля возле Чужой медленно увеличивается. Знаете, на что это похоже? На раковые метастазы. Я также не ведаю, к чему может привести рост нагуаля. Пока он ни с одной из форм материи не взаимодействует. Но это с материей *нашей* метавселенной! В то время как роиды и тартариане – суть объемы иных вселенных, закапсулированных в нашей под воздействием местных физических законов. Что, если нагуали каким-то образом станут реагировать с ними? Что, если есть какой-то спусковой механизм этого реагирования? Представляете последствия? Энергетические процессы, присущие нашей метавселенной, ограничены низкоэнергетическими характеристиками ее вакуума, в то время как энергетические возможности вакуума объектов чужан как минимум на порядок выше. Если нагуали дестабилизируют состояние Таргара и Чужой, может произойти спонтанная фазовая перестройка нашего вакуума, что опасно не только для ближайших звезд, но и для метагалактики в целом! Понимаете, о чем речь?»

«Именно поэтому наша организация и взялась за изучение феномена нагуаля. По моим личным наблюдениям, Таргар «искрит», то есть его ядро уже возбудилось, что привело к сериям землетрясений, ломке коры и местным эруптивным процессам. Паутины, которые, как известно, являются полевыми стабилизаторами континуума Таргара, еще кое-как справляются с задачей гашения колебаний, но процесс начинает выходить из-под их контроля. А нам, кстати, докладывают, что там «все нормально».

«Вы хотите сказать, что некто заинтересован в том, чтобы люди не знали истинного положения вещей?»

«Артур, ситуация складывается чрезвычайная, поэтому своими предположениями прошу не делиться ни с кем, даже с ближайшими родственниками. Это чревато последствиями... вплоть до летального исхода. Если бы еще не кампания травли паранормов... понимаете?»

«Значит, этот некто, кому выгодна травля и все, что происходит, все-таки существует? А то ходят слухи разные, сбивающие с толку».

«Скажем так: больше да, чем нет. Правда, вполне может оказаться, что этот некто не физическое лицо, а некий направленный процесс, использующий конкретных физических лиц, многие из которых даже не догадываются, что подчиняются чужой воле. Если уж мы, люди, владем методами глубокого кодирования или зомбирования, как это сейчас называется, то ими наверняка владеет и упомянутый некто. Будьте осторожны, Артур. В последнее время интраморфы гибнут все чаще по самым разным причинам».

«Спасибо за предупреждение, но я не только ученый, но стармен-пограничник, знающий, когда и где можно рисковать. Уверяю вас, я смогу за себя постоять».

«И тем не менее я буду настаивать на подстраховке. С сегодняшнего дня вас будут прикрывать по императиву «ланспасад».

Левашов пожал плечами, как бы говоря: раз нужно, значит, нужно. Расстались они удовлетворенными в разной степени: Ставр узнал больше, чем рассчитывал, Левашов меньше. Особенно Панкратова насторожили слова ученого о росте нагуаля. Месяц назад, когда он еще работал на Тартаре, о росте нагуаля не было и речи. Этот эффект необходимо проверить в других местах.

Пробыв на погранзаставе до вечера (условного, конечно) в ожидании Виданы, Панкратов решил еще раз поговорить с Железовским, чтобы тот сменил напарника или вообще разрешил работать в одиночку. Внучка Аристарха на борту «Стрельца» так и не появилась.

Уже в метро заставы Панкратов обратил внимание на одного из пограничников, вышедшего навстречу. Был пограничник мал ростом, смугл и сед и, в общем-то, не слишком примечателен, но, встретив взгляд его черных глаз, в которых отражались ум, абсолютное понимание, предупреждение и ломающая все барьеры сила, Ставр даже споткнулся, с удивлением оглядываясь на незнакомца. Вдобавок ко всему показалось, что кто-то с отеческой усмешкой потрепал его по щеке. И еще Ставр заметил, что на безымянном пальце левой руки незнакомца красуется перстень из красивого прозрачно-черного камня, напоминающего морион. Точно такой же перстень с плавающей изумрудной искрой в глубине камня приснился ему несколько дней назад. Что таких совпадений просто так не бывает, Панкратов сообразил, уже выходя из метро управления на Земле.

Архонт Всемирного Вече Велизар не удивился, когда президент Совета безопасности Хасан Алсаддан испросил у него аудиенции. Он догадывался, о чем пойдет речь.

Алсаддан прибыл не один, а со свитой в десять человек, в которую входили секретарь, советники, телохранители-люди и телохранители-витсы. На этот раз одет он был в цветастый халат и парадный тюрбан, а туфлям с загнутыми носами мог бы позавидовать любой калиф прошлых веков.

Велизар, одетый скромнее – в летний блузон голубого цвета с серебряными разводами в славянском стиле и такие же брюки, – оценил помпезность визита сразу, но даже бровью не повел. Вышел из-за рабочего инк-стола, поклонился и провел высокого визитера в сад для приема особо почетных гостей. Один из телохранителей вознамерился было последовать за ними, но вдруг закрыл глаза и вышел, деревянно переставляя ноги. Остальные расположились в «ромашке» приемной, вырастив мебель по вкусу.

Алсаддан подождал немного, но так как никто в резиденции архонта не появился (Велизар знал, кого ждал президент Совета безопасности – корреспондентов разных компаний новостей, и принял меры), начал разговор в недопустимо категоричном тоне, причем на звуке, а не слоган-речью:

– Великий князь! Я хотел бы сделать несколько официальных заявлений. Первое: в связи с ухудшением криминогенной обстановки в Системе и особенно на Земле необходимо переиз-

брать комиссара-прима службы безопасности Пауля Герцога как не справившегося с обязанностями. За последние два года рост нераскрытых преступлений превысил все допустимые для социума нормы, небывалая волна терроризма обрушилась на...

– Заявление принято, – мягко перебил гостя Велизар. – Ваше предложение будет рассмотрено на ближайшем Совете. Если, конечно, Совет безопасности единодушен в своем мнении относительно отставки комиссара.

Алсаддан остался холоден и невозмутим.

– К сожалению, совет не единодушен, однако обстановка складывается таким образом, что требуются меры чрезвычайного характера.

– Хасан, вы прекрасно понимаете, что без одобрения совета решение об отставке комиссара принято быть не может.

– Но зато вы можете сделать это своим указом.

– Для этого все равно нужны очень весомые аргументы, а я их не вижу. К тому же такой указ все равно должен быть ратифицирован всеми палатами Вече. Что еще вы имеете заявить?

Алсаддан неслышно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, сдержал какое-то резкое слово. В пси-диапазоне он давно пытался прозондировать мысли архонта, опираясь на гигантскую мощь эгрегора, пусть и ослабленную расстоянием, но Велизар тоже владел потоком Сил своего эгрегора, поэтому их обоюдная шахматная пси-партия закончилась вничью.

– Что ж, мы обсудим эту проблему на ближайшем конгрессе совета. Второе заявление не менее важно, чем первое. Синклит старейшин Всевече без санкции Совета безопасности и СЭКОНа занимается самостоятельным расследованием некоторых криминальных дел, что мешает следствию и может привести к весьма трагичным последствиям. Такими делами должны заниматься компетентные органы, профессионалы ОБ УАСС, а не дилетанты. Факты я изложил в интенционале, переданном в комп-сеть вашего секретариата. Считаю, что нарушены этические нормы, а также Устав Всевече, запрещающий совмещать деятельность проконсулов такого ранга и операторов кримслужбы. Если вы не примете необходимых мер, а именно: немедленно не пресечете незаконные действия синклита, не измените его состав, не привлечете виновных к дисциплинарной или уголовной ответственности, – я буду вынужден обратиться с рапортом в третейский СЭКОН-суд.

В глазах Велизара не отразилось ничего.

– Меры будут приняты. Ваши заявления записаны, комиссия по правам человека сегодня же примет их к рассмотрению.

– Тогда у меня все. – Алсаддан встал, поклонился и вышел из сада в кабинет. Велизар задумчиво смотрел ему вслед.

Они собрались в знакомом бункере спустя два часа после посещения Алсадданом архонта Всемирного Вече: трое советников синклита старейшин, Велизар и Пауль Герцог. Но беседу не начинали, пока к ним не присоединились еще двое – Забава Боянова и председатель СЭКОНа Ги Делорм.

Велизар в одном слогане передал смысл встречи его с Алсадданом, и на долгие несколько секунд все замолчали, переваривая услышанное. Потом Железовский проговорил:

«Они выясняют степень защиты и готовность к обороне наших бастионов, иной причины личного появления Хасана в Вече я не вижу. Он мог просто позвонить по консорт-линии, не выходя из своего кабинета».

«Я тоже так считаю, – кивнул Баренц. – Последние убийства интраморфов подтверждают этот тезис. Интраморфа можно убить просто – издали, с помощью карабинов и винтовок, снабженных ультраоптическими насадками и компьютерным блоком наводки, или еще проще – взорвав его в машине, лифте или в метро. Так нет же, их подстерегают группой, используют парализаторы и мощные усыпляющие средства. Зачем? Ответ один: кто-то эксперимен-

тирует, изучает способы защиты интраморфов, их сопротивляемость и живучесть. И этот кто-то, конечно, ФАГ».

«Не каждого интраморфа можно убить издали, – возразил ради истины Ратибор Берестов. – Бомбу, во всяком случае, унюхает любой из нас, а тем более эр-мастер».

«Эрмы не в счет. Эрм – воин по рождению, он воспринимает происходящее как вызов, на который должен ответить наилучшим образом. Но в принципе Ярополк прав. В ближайшее время следует ожидать нападений на опытных паранормов, в том числе на нас».

«Я давно жду этого, – с угрозой произнес Железовский. – Если это случится, мы выйдем на ФАГа быстрее».

«Не хвались, идучи на рать, старик. Много ты знаешь о возможностях ФАГа или его эмиссаров?»

«Одного не понимаю, – сказал Ги Делорм. – Зачем ФАГу раскрываться, начиная охоту за нами? Ведь этим он добьется только включения чрезвычайных режимов типа ГО или «Шторма» ВВУ».

«А кто нам разрешит включить эти режимы? О ФАГе знаем только мы, – холодно обронила Боянова. – Вернее, не знаем даже, а догадываемся. Вот почему он хочет устранить нас в первую очередь, как единственную силу, способную помешать ему. Хотя, честно говоря, мне кажется, что мы заблуждаемся, оценивая мощь ФАГа. Если нагуали суть его форпосты, справиться с которыми невозможно, то террор, развязанный им в Системе, отдает средневековым».

«Забава, вы, как всегда, вовремя окатываете мужчин холодной водой сомнений, – улыбнулся Велизар. – Но вы забываете, что человечество разделилось на четыре типа людей и напоминает четырехслойную пирамиду, причем перевернутую, поставленную на острие».

«Я считала, что человечество разделено на два типа людей: на тех, кто принимает решения, и тех, кто эти решения выполняет. Шутка. А если серьезно, люди делятся на нормалов и паранормов. Не так ли?»

«В принципе так, и все же человечество – пирамида. Ее основание – самый широкий слой – теллуриты, то есть люди, живущие только на Земле или вообще на планетах. Второй слой, уже гораздо меньший, – это соляриты, люди, освоившие Систему, но тоже, в общем-то, неспособные обходиться без привычных удобств в условиях тяготения. Третий слой – сидериты, это в основном стармены, бродяги космоса, разведчики, археонавты, экспедиторы, исследователи, туристы, большую часть жизни проводящие в космосе, в открытом пространстве, в поисках Неизведанного. И наконец острие пирамиды – паранормы, интраморфы, домом для которых может быть в принципе вся Вселенная. Так вот если это острие удалить, уничтожить, рухнет вся пирамида».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.